РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.)

АВГУСТЪ.

1902.

БЕСПЛАТНАЯ ГОРОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЯ
ПРИ ПОМОЩИ В. Г. ВЕЛИКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1902.

ПО АМУ-ДАРЬѢ ОТЪ ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКА ДО НУКУСА.

I.

Лѣтъ двадцать пять, тридцать тому назадъ на мѣстѣ нынѣшняго города Петро-Александровска находились тѣнистые, роскошные фруктовые сады. Каковы были сады, до нѣкоторой степени характеризуетъ названіе ихъ Дюртъ-Куль,—Четыре Цвѣтка. Въ настоящее время это, не лишенное нѣкоторой поэзіи названіе сохранилъ главный арыкъ Дюртъ-Куль; онъ протекаетъ черезъ самый городъ и раздѣляетъ его на двѣ части. Насколько хороши были хивинскіе сады, теперь судить, конечно, трудно, но можно съ увѣренностью сказать, что возникшій на мѣстѣ садовъ городъ Петро-Александровскъ ничего общаго съ цвѣтами не имѣетъ. Этотъ маленькій, захолустный, во всѣхъ отношеніяхъ скверный городишка, лишь по какому-то странному недоразумѣнію попалъ въ административные центры такой обширной окраины русскихъ владѣній, какъ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Начать съ того, что, являясь главнымъ и единственнымъ административнымъ пунктомъ, онъ находится не въ центрѣ, а на окраинѣ населенной части Аму-Дарьинскаго отдѣла. Вслѣдствіе почти полнаго отсутствія дорогъ и вообще болѣе или менѣе сносныхъ путей сообщенія, даже дѣловыя отношенія мѣстной администраціи съ населеніемъ подчиненныхъ ей участковъ, поддерживается съ большими затрудненіями, а во время разливовъ Аму-Дарьи, которые періодически продолжаются все лѣто, съ ранней весны до осени, нерѣдко совершенно прекращаются на неопредѣленное время. Нужно принять во вниманіе, что территорія русскихъ владѣній въ Хивинскомъ оазисѣ—громадна. По оффиціальнымъ даннымъ два участка Аму-Дарьинскаго отдѣла занимаютъ площадь въ 83,300, а по частнымъ свѣдѣніямъ даже въ 94,080 кв. верстъ. На этомъ обширномъ пространствѣ, потѣмъ же оффиціальнымъ даннымъ, считается 147,070 душъ самаго разноплеменнаго населенія. Какъ оффиціальныя данныя, вышеприведенныя цифры, конечно, далеки отъ истины. Границы Аму-Дарьинскаго отдѣла далеко не такъ точны и опре-

дѣленны, чтобы территорію русскихъ владѣній въ Хивѣ можно было выразить тою или другою цифрою.

Западной границей отдѣла считается рѣка Аму-Дарья, собственно дельта ея, отъ Учъ-Учака до Аральскаго моря; сѣверной—Аральское море и Казалинскій уѣздъ; южной, или, вѣрнѣе, юго-восточной — Учъ-Учакскія высоты и Бухарскія владѣнія, а на востокѣ, на безпредѣльномъ пространствѣ раскинулась пустыня Кызылъ-Кумъ, которую никто не мѣрилъ, никто не опредѣлялъ. Почти тоже можно сказать и относительно населенія. Цифра 147,070 душъ рѣшительно ничего не говоритъ тому, кто знаетъ, какъ собираются эти свѣдѣнія администраціей. Единственный документъ, по которому можно было-бы судить о приростѣ населенія, — записи о рождаемости и смертности въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ,—не ведутся, да едвали это возможно при существующихъ условіяхъ! Народонаселеніе отдѣла самое разноплеменное, половина его ведетъ образъ жизни кочевой, на территоріи, не имѣющей даже опредѣленныхъ границъ. Администрація собираетъ эти свѣдѣнія отъ волостныхъ управителей безъ всякаго контроля и провѣрки. Поэтому приростъ населенія изъ года въ годъ выражается почти однѣми и тѣми же цифрами, не выше двухъ-трехъ процентовъ. Общее число населенія 147,070 распредѣляется по двумъ участкамъ Аму-Дарьинскаго отдѣла такимъ образомъ: на Шураханскій участокъ приходится 51,065 душъ, а на Чимбайскій 96,015. Сравнивая эти цифры, нетрудно убѣдиться, что наибольшая плотность населенія приходится на дельту Аму-Дарьи, на Чимбайскій участокъ, количество населенія котораго почти вдвое больше Шураханскаго участка, хотя въ отношеніи пространства,—32,800 квад. верстъ,—Чимбайскій участокъ значительно меньше Шураханскаго, площадь котораго равняется 50,500 кв. в. Петро-Александровскъ находится на границѣ населенной части Шураханскаго участка, что представляетъ много неудобствъ при сношеніи съ населеніемъ. Но съ этимъ можно было-бы какъ-нибудь примириться, если-бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ городъ удовлетворялъ своему назначенію. По своему географическому положенію городъ находится на правомъ берегу рѣки, въ настоящее время въ полутора верстахъ отъ главнаго русла Аму-Дарьи. Но эта близость большой, даже судоходной рѣки ничего, кромѣ горя, населенію не приноситъ. Городъ снабжается водой при помощи двухъ арыковъ. Одинъ изъ нихъ, главный, Дюртъ-Куль протекаетъ черезъ самый городъ, другой же Бузъ-Ябъ — омываетъ его съ юго-западной стороны. Несмотря на свое возвышенное положеніе и удаленность отъ рѣки, Петро-Александровскъ ежегодно по нѣсколько разъ въ лѣто подвергается разорительнымъ наводненіямъ. Во время нашего пребыванія въ отдѣлѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ городъ только оправлялся отъ ранняго, совершенно неожиданнаго наводненія, застигнувшаго жителей врасплохъ, въ такое время года, когда о наводненіи никто не помышляетъ; въ срединѣ марта мѣсяца въ арыкахъ обыкновенно не бываетъ еще воды. Въ какіе-нибудь день, два арыки переполнились

водою, напоромъ рѣки размыло главную защитную дамбу Ходжа-Ябскую, вода хлынула и затопила городъ. Произошло наводненіе отъ ледяного затора выше Петро-Александровска. Жители успѣли только отогнать скотъ на безопасное мѣсто. Сами же спасались на плотахъ изъ камыша, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ „кочка“. Перетащивъ свои кибитки и кое-что изъ домашняго скарба на „кочки“ въ ожиданіи спада воды, населеніе нѣсколько дней плавало вокругъ потопленныхъ домовъ. Этотъ способъ спасанія отъ наводненія весьма распространенъ среди туземнаго населенія. Болѣе тридцати туземныхъ построекъ были разрушены, дамба настолько повреждена, что въ концѣ мая мы съ большими затрудненіями могли проѣхать до города. Аму-Дарья не знаетъ преградъ въ своемъ стремленіи. Слабыя усилія туземца сдержать ее въ опредѣленныхъ рамкахъ разсѣиваются, какъ паръ, при первомъ же напорѣ ея бѣшенаго теченія. Намъ разсказывали обыватели, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ разстояніе отъ города до рѣки было не менѣе трехъ верстъ. Съ каждымъ годомъ Аму-Дарья все ближе и ближе подступаетъ къ Петро-Александровску. На глазахъ современниковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь пристаетъ пароходъ Аральской флотиліи „Царица“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были культурныя поля, фруктовые сады, возвышались высокія стѣны туземныхъ построекъ. Въ одинъ прекрасный день рѣка вдругъ отклонила свое теченіе къ востоку, захлестнувъ версты на полторы правый берегъ. Жители едва успѣли спастись. Все же имущество вмѣстѣ съ садами, культурными плантаціями, домами и скотомъ Аму-Дарья погребла на днѣ своихъ мутныхъ водъ. Но что всего курьезнѣе, до настоящаго времени жители считаются владѣльцами исчезнувшаго берега и несутъ земельныя повинности въ размѣрѣ 1 р. 80 к. съ десятины. Разоренные и обездоленные, они покинули территорію русскихъ владѣній и переселились въ Хиву... И это далеко не единственный случай! Ни въ одной странѣ населеніе не находится въ такой рабской зависимости отъ рѣки, отъ воды, какъ въ средней Азіи, особенно же въ культурныхъ оазисахъ Аму-Дарьинской долины. Города, селенія зарождаются, развиваются, процвѣтаютъ, разрушаются и гибнутъ въ полной зависимости отъ того, въ какомъ положеніи въ данное время находится рѣка. Есть вода, есть и жизнь! Едва рѣкѣ вздумается измѣнить свое направленіе, какъ самые цвѣтущіе города, самыя богатыя селенія гибнутъ или отъ наводненія, или отъ засухи. Атмосферные осадки такъ незначительны, что никакой роли въ земледѣльческомъ хозяйствѣ не играютъ.

Арыкомъ Дюртъ-Куль Петро-Александровскъ дѣлится на двѣ части: на офицерскую и крѣпостную. Офицерская часть города считается лучшей; здѣсь находится лучшая улица, обсаженная тополями, акаціями и тѣнистыми карагачами, городской садъ съ плохенькимъ цвѣтничкомъ, православная церковь, военный клубъ, лучшія постройки города, въ которыхъ живетъ мѣстная служилая интеллигенція, двѣ школы на весь Аму-Дарьинскій отдѣлъ: мужская съ интернатомъ для

дѣтей туземцевъ и женское городское церковно-приходское училище. Была еще одна русская школа на Хивинской территоріи, въ городѣ Хивѣ, предназначенная исключительно для дѣтей туземцевъ. Правда, она не блистала обиліемъ учащихся, такъ какъ туземцы вообще недовѣрчиво относятся къ русскому просвѣщенію, но значеніе ея было громадное, такъ какъ трудно даже вообразить ту тьму и невѣжество, въ которомъ находится эта страна. Къ величайшему сожалѣнію, въ силу какихъ-то непонятныхъ соображеній, въ концѣ прошлаго года школа эта закрыта, учащіеся переведены въ Петро-Александровскую школу, которая такимъ образомъ является единственной русской школой на весь Аму-Дарьинскій отдѣлъ, если не считать, конечно, туземныхъ школъ медрессе, въ которыхъ арабская грамота скорѣе притупляетъ, нежели развиваетъ природныя способности туземца.. Здѣсь же, въ офицерской части, находится больничка для приходящихъ больныхъ и городской базаръ. Средне-азіатскій базаръ играетъ въ жизни туземца громадную роль, не только въ экономическомъ отношеніи, но и въ умственномъ и нравственномъ, замѣняя ему театръ, клубъ, общественное собраніе, является такимъ учрежденіемъ, куда съ одинаковымъ интересомъ стремится и взрослый, и малый. Здѣсь происходятъ не только всевозможныя торговыя сдѣлки между кочевымъ и осѣдлымъ населеніемъ, но и обмѣнъ мыслей. На базарѣ туземецъ пріобрѣтаетъ для себя все необходимое, обмѣниваетъ или продаетъ излишекъ, собираетъ всевозможныя свѣдѣнія, справки, новости, поболтаетъ о текущихъ дѣлахъ съ пріятелемъ, прослушаетъ проповѣдь какого-нибудь фанатика „дервиша“ проповѣдника, даже если есть необходимость, запасется лѣкарствомъ у туземнаго врача, „табиба“, нерѣдко состоящаго изъ клочка бѣлой бумаги, которую больной долженъ сжечь и вдохнуть цѣлебный дымъ, или молитвы; послѣднюю они зашиваютъ въ мѣшочекъ и носятъ въ видѣ „тумара“,—амулета. Такого „табиба“ съ его переносной аптечкой, состоящей, впрочемъ, далеко не изъ безвредныхъ только средствъ, можно встрѣтить на каждомъ базарѣ и среди степи, и въ людномъ городѣ... Крѣпостная часть состоитъ изъ крѣпости, торговой площади и слободки, гдѣ живутъ семьи нижнихъ чиновъ и разночинцевъ. Маленькія, низенькія глиняныя постройки въ азіатскомъ стилѣ тѣсно лѣпятся другъ къ другу. Дворы въ этой части города почти отсутствуютъ, улицы узкія и кривыя, растительности почти совершенно нѣтъ. Не касаясь положенія семей отбывающихъ службу нижнихъ чиновъ, вообще очень и очень неприглядаго, настолько неприглядаго, что въ текущемъ году послѣдовало распоряженіе со стороны высшаго начальства впредь не переводить въ отдѣлъ семействъ нижнихъ чиновъ, мы остановимся по возможности подробнѣе на разночинцахъ. Подъ разночинцами нужно разумѣть довольно многочисленное сословіе ссыльныхъ поселенцевъ Уральскаго войска, совершенно не вошедшихъ въ общую цифру народонаселенія Аму-Дарьинскаго отдѣла, что еще разъ убѣждаю насколько точны оффиціальныя данныя. Такимъ образомъ

можно съ увѣренностью сказать, что народъ здѣсь не считанный, несмотря на недавнюю всеобщую перепись. Что касается туземцевъ, то они хотя и вошли въ перепись, но цифровыя данныя объ ихъ количествѣ также далеки отъ истины и вотъ почему. По обычаю въ семейную половину узбека или сарта ни одинъ посторонній мужчина войти не можетъ. Нарушенія въ этомъ отношеніи могутъ привести къ самому печальному концу. Слѣдовательно, всѣ необходимыя свѣдѣнія собирались не лично, а при посредствѣ самихъ же туземцевъ, глубоко убѣжденныхъ, что всякія записи людей есть дѣло грѣховное, противное шаріату. Можно судить, какими данными располагали лица, взявшія на себя трудъ опредѣлить количество туземнаго населенія! Такимъ образомъ, сколько въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ ссыльныхъ поселенцевъ Уральскаго войска, никто никогда не считалъ, да и не интересовался этимъ вопросомъ. Извѣстно, что въ 1874 г. ихъ было выслано въ Среднюю Азію около 5,000 человѣкъ исключительно холостыхъ. Въ настоящее время ихъ можно встрѣтить по долинамъ рѣкъ Аму-Дарьи, Сыръ-Дарьи и ихъ притокамъ, въ вассальныхъ ханствахъ Бухарѣ и Хивѣ, въ окрестныхъ степяхъ и даже въ пустынѣ. Съ 1874 г прошло много времени. Многіе изъ сосланныхъ умерли, нѣкоторые вернулись на родину, но взамѣнъ оставшіеся — выписали свои семьи. Благодаря этому вольный, своеобразный элементъ ссыльныхъ поселенцевъ Уральскихъ казаковъ не исчезъ съ лица Аму-Дарьинской долины, а размножился. Не одинъ, вѣроятно, путешественникъ съ изумленіемъ натыкался на уральца въ русской цвѣтной косовороткѣ и шапкѣ съ краснымъ околышемъ въ такихъ дебряхъ Азіи, гдѣ даже самое помышленіе о Россіи кажется странной, неумѣстной мечтой. По характеру своего быта ссыльные уральцы являются единственными во всей Россійской имперіи. На современной почвѣ эта группа бродячихъ людей представляется какимъ-то анахронизмомъ, напоминающимъ доброе старое время, нашу историческую „вольницу“ или Запорожскую Сѣчь, только безъ кровожадныхъ инстинктовъ; уральцы вольные, но совершено мирные скитальцы. Они тщательно скрываютъ свои имена и фамиліи. Даже на вопросъ начальства: какъ твое имя?—у поселенца всегда заготовленъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „не знаю. Спроси у батюшки“.—Гдѣ же твой батюшка?—„Батюшка... Да должно быть, лѣтъ ужъ съ десятокъ, какъ на томъ свѣтѣ“.— Этимъ дѣло обыкновенно и заканчивается. Развѣ окольными путями администраціи удастся узнать имя или прозвище того или другого ссыльнаго поселенца. За что они подверглись административной ссылкѣ, не всякій изъ уральцевъ сумѣетъ объяснить. Всѣ они толкуютъ о какой-то бумагѣ, содержаніе которой или забыли, или никогда не знали, а толкуютъ съ чужихъ словъ. Очень возможно, что во всемъ этомъ дѣлѣ кроется глубокое недоразумѣніе. Такъ-ли это или иначе, во всякомъ случаѣ на долю ссыльныхъ поселенцевъ Аму-Дарьинскаго отдѣла выпалъ тяжелый крестъ. Нужно принять во вниманіе, что край дикій и совершенно неустроенный. Здѣсь все

ново, чуждо русскому человѣку, начиная отъ климата, съ его тропическими жарами, губительной маляріей, хищными обитателями лѣсовъ и камышевыхъ зарослей и кончая бѣшеною необузданностью рѣки, особенностями культуры туземца, его жизни, быта, религіи при полномъ почти неустройствѣ края!..

Только такіе вполнѣ сильные, здоровые, закаленные въ борьбѣ съ природой люди, какъ уральцы, могли акклиматизироваться и вынести всѣ неблагопріятныя условія новой страны, особенно, если принять во вниманіе, что явились они въ этотъ дикій край людьми не свободными, а ссыльными поселенцами. Вообще изъ ссыльныхъ уральцевъ могло-бы сформироваться надежное войско, на подобіе Донского войска и Уральскаго, и незамѣнимый колонизаціонный элементъ для дальней окраины русскихъ владѣній на Аму-Дарьѣ. Въ сущности это есть затаенная мечта каждаго ссыльнаго поселенца. Несмотря на полную оторванность отъ казачества, отъ родной почвы, они до настоящаго времени считаютъ себя казаками, упорно носятъ шапки съ красными околышами. Къ сожалѣнію, мѣстная администрація не руководствуется подобными соображеніями и всѣми силами стремится приписать ссыльныхъ поселенцевъ къ мѣщанскому сословію, чѣмъ глубоко оскорбляетъ ихъ и вооружаетъ противъ себя. Для уральца нѣтъ выше оскорбленія, какъ назвать его мѣщаниномъ! Они всячески ограждаютъ себя отъ этого званія: не берутъ земельныхъ надѣловъ, ведутъ полубродячій образъ жизни,—и вся эта тягота несется съ единственной цѣлью не дать администраціи повода приписать ихъ къ мѣщанскому или крестьянскому сословію. Попытка администраціи оффиціально окрестить ихъ мѣщанами окончилась скандаломъ. Вызванные въ качествѣ свидѣтелей въ судъ, они или совсѣмъ не явились, а если являлись, то единственно затѣмъ, чтобы оскорбить всѣхъ присутствующихъ своимъ дерзкимъ поведеніемъ и бранью... Словомъ, слѣдовало бы задуматься надъ положеніемъ этихъ обездоленныхъ нашихъ собратій, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ не о десяткѣ личностей, а о цѣлой группѣ людей въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые безъ всякой пользы для себя и отечества разбрасываютъ свои крѣпкія кости среди топей, болотъ Аму-Дарьи и безлюдныхъ степей пустыни Кызылъ-Кумъ. По религіознымъ своимъ воззрѣніямъ уральцы всѣ старовѣры до фанатизма. Ни одинъ ссыльный поселенецъ не станетъ ѣсть изъ одной чашки и пить изъ одного ведра даже и съ православнымъ. Отъ туземцевъ они усвоили еще одну особенность. Туземцы, какъ магометане, употребляютъ въ пищу мясо только такого животнаго, которое убито магометаниномъ же. По примѣру туземцевъ уральцы также отказываются отъ мяса, разъ животное убито не ихъ собратомъ старовѣромъ. А такъ какъ своего скота у уральцевъ очень мало,—то мяса они почти не употребляютъ въ пищу. Питаются главнымъ образомъ рыбой, да дикими кабанами, которыми изобилуютъ туганы и камышевыя заросли, заготовляя ихъ въ соленомъ видѣ на зиму. Употребленіе чая также строго преслѣдуется, какъ напитка грѣховнаго, хотя многіе изъ нихъ очень любятъ чай и пьютъ его

очень много. Я встрѣтилъ женщину-уралку изъ ссыльныхъ, съ кучей малолѣтнихъ дѣтей, которую покинулъ мужъ за то, что, несмотря на многолѣтній протестъ съ его стороны, жена продолжала пить чай и поила всѣхъ своихъ дѣтей. Но что всего удивительнѣе, между уральцами очень мало неграмотныхъ. Даже женщины умѣютъ читать, особенно по церковнославянски. У нихъ есть свои неоффиціальныя школы, гдѣ ребятишки и выучиваются грамотѣ. Богослуженіе отправляютъ благочестивые старцы, избираемые изъ своей же среды. Соединившись въ тѣсныя группы, они занимаются торговлей, промышленностью, ремеслами и даже ростовщичествомъ. За немногими исключеніями всѣ они люди денежные. Главнымъ же промысломъ служитъ рыболовство. Рѣка, море, — это ихъ сфера! На водѣ уральцы неустрашимы, смѣлы, отважны, какъ у себя дома. Среди туземцевъ составилось даже убѣжденіе что уралецъ, подобно рыбѣ, въ водѣ не тонетъ. Дѣйствительно, болѣе неустрашимаго человѣка трудно даже вообразить! Рыбаки-уральцы не теряются ни при какихъ обстоятельствахъ Бывали случаи, во время бури на морѣ или на рѣкѣ неизмѣнная спутница уральцевъ, бударка, опрокидывалась, и тѣмъ не менѣе верхомъ на опрокинутой лодкѣ рыбаки возвращались благополучно къ берегу. Къ своему главному промыслу, къ рыболовству, уральцы относятся такъ же хищнически, какъ и туземцы, т. е. берутъ отъ рѣки все, что можно взять. Это не тотъ уралецъ, у котораго въ родномъ кормильцѣ Уралѣ каждая рыбка на счету; у себя, на родинѣ, онъ изучалъ и зналъ каждую яму на днѣ рѣки, и сколько въ ней на зиму залегаетъ рыбы; онъ не только бралъ, но и давалъ возможность рыбѣ размножаться, думалъ и о завтрашнемъ днѣ. На Аму-Дарьѣ ничего подобнаго не существуетъ. Конечно, Аму-Дарья не Уралъ, здѣсь рыбачить приходится при совершенно иныхъ условіяхъ, но за 25 лѣтъ уральцы могли бы примѣниться ко всѣмъ особенностямъ рѣки, если бы смотрѣли на страну, какъ на свою вторую родину. Уральцы глубоко убѣждены, что сосланы на Аму-Дарью для обрусенія края, которое можетъ создаться только на ихъ крѣпкихъ костяхъ. Благодаря подобному воззрѣнію, они и въ рыболовствѣ являются такими же случайными скитальцами, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ предпріятіяхъ. Сколько уральцы ежегодно вылавливаютъ рыбы и на какую сумму сбываютъ черезъ Кунградъ и Чарджуй, этого, конечно, никто не знаетъ. Существуютъ оффиціальныя данныя относительно общаго количества рыбы, вылавливаемой ежегодно изъ Аму-Дарьи, но эти цыфры крайне неточны, представляютъ лишь слабую попытку привести въ извѣстность естественныя богатства страны и никакого значенія имѣть не могутъ. Вслѣдствіе почти полнаго отсутствія дорогъ сбытъ рыбы съ дельты Аму-Дарьи, даже зимой, сопряженъ съ большими затрудненіями. Единственный болѣе или менѣе удобный путь—водный, по Аму-Дарьѣ, не во всякое время бываетъ доступенъ. Въ 1889 г. къ 28 ноября рѣка уже замерзла. Вообще же въ половинѣ ноября навигація по Аму-Дарьѣ прекращается.

Лѣтомъ, благодаря тропическимъ жарамъ, о сбытѣ рыбы не можетъ быть и рѣчи. Уральцы сохраняютъ рыбу живою, въ садкахъ [1]), до осенняго сбыта. Устройство садковъ, какъ и самое рыболовство, при современныхъ условіяхъ требуетъ большихъ хлопотъ и усилій. Какъ уже было сказано выше, Аму-Дарья рѣка еще не установившаяся, не имѣющая опредѣленнаго русла. Мѣста, гдѣ сегодня производился обильный ловъ, завтра могутъ превратиться въ совершенно негодныя мели. Самые глубокіе прораны рѣка заноситъ иломъ и вынуждаетъ рыбу искать другого пристанища. Иногда рыбаку приходится по цѣлымъ днямъ рыскать по рѣкѣ въ погонѣ за удобнымъ мѣстомъ. Даже садки ему приходится нѣсколько разъ въ лѣто перетаскивать съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе измѣненія глубины рѣки. Несмотря на свое нелегальное положеніе, уральцы сумѣли себя такъ поставить среди дикаго туземнаго населенія, что въ отношеніяхъ ихъ не замѣчается ни тѣни вражды или непріязни. Напротивъ, какъ опытные и и свѣдущіе рыбаки, уральцы служатъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторитетомъ для темнаго туземца. Отъ уральцевъ, напр., туземцы переняли парусъ, научились управлять имъ и теперь преблагополучно плаваютъ на парусныхъ каюкахъ, особенно вверхъ, противъ теченія, тогда какъ раньше, кромѣ бичевы и веселъ, не имѣли никакого понятія о другихъ способахъ передвиженія. Вообще мы имѣли массу случаевъ убѣдиться, что между туземцами и ссыльными поселенцами установились самыя дружескія, пріятельскія отношенія. Вотъ почему, несмотря на то, что уральцы разбросаны по всему отдѣлу и бродятъ небольшими одинокими группами, почти не было случаевъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ погибъ отъ руки туземца. Какія бы ни нарождались разбойничьи шайки и какъ бы ни велики были ихъ опустошенія, ни одинъ разбойникъ уральца не тронетъ. Это объясняется съ одной стороны вполнѣ мирными отношеніями туземцевъ къ русскому элементу, а съ другой тѣмъ, что уральцы сами народъ отчаянный, не дадутъ себя въ обиду.

„Зачѣмъ они насъ тронутъ, когда мы ихъ не трогаемъ!“— отвѣчаютъ ссыльные поселенцы каждому, кто поинтересуется этимъ вопросомъ...

Если со стороны Аму-Дарьи Петро-Александровскъ вѣчно находится въ оборонительномъ положеніи, то не менѣе неудобствъ терпитъ этотъ городъ съ другой стороны, благодаря близкому сосѣдству песковъ пустыни. Сейчасъ же за послѣдней городской постройкой разстилается безпредѣльная, молчаливая, безлюдная степь, съ ея невыносимымъ зноемъ, барханами вѣчно движущихся песковъ При малѣйшемъ движеніи вѣтерка горячее дыханіе пустыни, съ облакомъ мельчайшей ѣдкой песчаной пыли, наполняетъ воздухъ. Благодаря этой

[1]) Садки устраиваются такимъ образомъ. Въ дно рѣки вбиваются колья, скрѣпляются другъ съ другомъ, образуя загородь, въ которой и держатъ рыбу живою до осенняго сбыта.

пыли, нигдѣ не встрѣчается такое громадное количество больныхъ глазами и разными накожными болѣзнями до проказы включительно, какъ въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ. При страшно высокой лѣтней температурѣ, доходящей до 54° по R., ѣдкая, соленая пыль, попадая въ глаза и на тѣло, постоянно влажное отъ испарины, разрушительно дѣйствуетъ на слизистыя оболочки и кожу, порождая глазныя болѣзни, чесоточные и лишайные струпья на лицѣ, рукахъ и вообще на кожѣ... Городъ не имѣетъ даже выгона для скота. Домашній скотъ круглый годъ держится во дворахъ, а если отгоняется, то съ единственною цѣлью, какъ здѣсь говорятъ, „прогуляться“. Ни единаго клочка годной травы онъ не найдетъ въ степи и возвращается домой голодный. Но что всего непріятнѣе, съ каждымъ годомъ пески все ближе и ближе надвигаются къ городу и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ также потребуютъ искусственной защиты.

По національностямъ народонаселеніе Аму-Дарьинскаго отдѣла распадается на слѣдующія группы: узбеки, киргизы, туркмены, кара-калпаки, таджики, сарты, персы, арабы и съ 1873 г. русскіе. Русскіе поселенцы живутъ только въ Петро-Александровскѣ, въ уральскомъ поселкѣ Шималъ, въ 15 верст. отъ города, въ Нукусѣ и Кунградѣ. Какъ велика численность каждой группы, конечно, никакихъ свѣдѣній не имѣется. Однако господствующею національностью Хивинскаго оазиса считаются узбеки. Въ то время, какъ туркмены до настоящаго времени ведутъ полукочевой образъ жизни и не прочь заняться воровствомъ и разбоемъ, киргизы съ своими стадами кочуютъ вблизи колодцевъ въ пустынѣ Кызылъ-Кумъ, кара-калпаки осѣдаютъ около озеръ и протоковъ Аму-Дарьи, такъ какъ главнымъ промысломъ ихъ служитъ рыболовство, а земледѣліе является только подспорьемъ. Узбеки, какъ главный земледѣльческій элементъ, сидятъ на культурныхъ полосахъ, поближе къ городамъ и базарамъ. Узбеки принадлежатъ къ тюркской расѣ, но съ большой примѣсью иранскаго элемента. Они имѣютъ длинную, густую бороду, правильныя черты лица, пропорціональное тѣлосложеніе и ближе всѣхъ другихъ народностей подходятъ къ сартамъ не только по внѣшнему виду, но и по образу жизни. Узбеки, какъ и сарты, живутъ осѣдло, главнымъ занятіемъ ихъ служитъ земледѣліе и торговля. Въ этой области едва-ли кто, кромѣ сарта, можетъ поспорить съ узбекомъ. Примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, онъ рѣшительно сдѣлалъ все, что можно сдѣлать съ его развитіемъ и запасомъ знаній, чтобы извлечь изъ земли всѣ ея плодородные соки. Узбекскія селенія производятъ удивительное впечатлѣніе. Это сплошные сады, обильно орошенные, тщательно воздѣланные, гдѣ путникъ, измученный нестерпимымъ зноемъ безлюдныхъ степей, всегда найдетъ прохладу и защиту отъ жгучаго солнца подъ тѣнистыми рощами искусственно насаженныхъ деревьевъ, нерѣдко на берегу обширныхъ прудовъ. Здѣсь, среди густой зелени тѣнистыхъ деревьевъ изъ тала, серебристаго тополя и карагача (видъ вяза), прерываемыхъ воздѣланными планта-

ціями подъ рисъ, хлопокъ, кунжутъ, пшеницу, просо, джугару и кормовую траву—люцерну, выдвигаются высокіе замки узбекскихъ построекъ. Узбекъ—самый дѣятельный производитель страны и самый трудолюбивый изъ всѣхъ обитателей Хивинскаго оазиса! Система хозяйства, какъ вездѣ въ Туркестанскомъ краѣ, поливная. Искусственное орошеніе полей при помощи арыковъ требуетъ громаднаго труда и усилій, особенно на правомъ, возвышенномъ берегу въ предѣлахъ Аму-Дарьинскаго отдѣла. Здѣсь, при помощи главныхъ искусственныхъ каналовъ, арыковъ, вода подводится къ культурнымъ полямъ, но уровень ея настолько низокъ, что непосредственно изъ арыковъ оросить пашенъ нельзя. Необходимо поднять воду до уровня пашенъ, аршина на два, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сажень и болѣе. Для этой цѣли придуманъ туземцемъ чигирь, самое простое и дешевое сооруженіе для подъема воды. Состоитъ чигирь изъ громаднаго, на подобіе мельничнаго колеса, къ которому подвѣшиваются глиняные кувшины, колесо прикрѣпляется къ столбу на берегу арыка и приводится въ движеніе лошадью или верблюдомъ при помощи рычага. Вращаясь, колесо зачерпываетъ кувшинами воду изъ арыка, поднимаетъ наверхъ и проливаетъ въ канавки, цѣлою сѣтью изрѣзывающія засѣянныя пашни. На чигирѣ зиждется все хозяйство въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, и потому нѣтъ хозяина, который бы не имѣлъ этой простѣйшей водоподъемной машины. На непривычнаго человѣка чигирь производитъ удручающее впечатлѣніе. Видишь, какъ несчастное животное, чаще всего верблюдъ, съ утра до поздняго вечера маршируетъ вокругъ столба съ завязанными глазами, не имѣя возможности даже видѣть, что вокругъ него дѣлается. Глаза завязываются во избѣжаніе головокруженія. Съ закрытыми глазами животное воображаетъ, что идетъ куда-то въ прямомъ направленіи, и не выражаетъ ни малѣйшаго протеста. Одинъ путешественникъ изъ иностранцевъ, кажется, англичанинъ, во время пребыванія въ Хивѣ, возмутился мучительнымъ трудомъ животнаго; онъ задумалъ замѣнить чигирь водоподъемной машиной. Оказалось, самая простѣйшая изъ этихъ машинъ стоила въ нѣсколько разъ дороже туземнаго чигиря. Благодаря тому, что вся культура туземца зиждется на искусственномъ орошеніи, земледѣльческое хозяйство здѣсь требуетъ громаднаго труда и усилій. Лѣтъ двадцать пять, тридцать тому назадъ, когда въ Хивѣ существовало рабство и торговля невольниками, весь этотъ тяжелый трудъ несли на своихъ плечахъ рабы и невольники. Въ числѣ невольниковъ было немало и русскихъ, но главнымъ образомъ персіяне, захваченные туркменами во время войны и безъ всякой войны, какъ плѣнные и проданные въ невольничество. Потомки невольниковъ обращались въ безправныхъ рабовъ. Рабы и невольники жили при земляхъ своихъ владѣльцевъ, занимались обработкой земли и домашними услугами. Насколько варварски обращались съ невольниками, можно судить по тому, что при малѣйшей попыткѣ бѣжать невольнику подрѣзывались сухожилія на ногахъ или отрѣзы-

вались уши и носъ. Торговля невольниками въ Хивѣ и Бухарѣ велась въ обширныхъ размѣрахъ съ незапамятныхъ временъ почти до нашихъ дней, т. е. до русскихъ завоеваній. Объ этомъ фактѣ существуетъ множество историческихъ указаній, останавливаться на которыхъ значило бы слишкомъ отклониться отъ главной нашей задачи. Въ настоящее время, съ русскихъ завоеваній въ странѣ, рабство и невольничество въ Хивѣ и Бухарѣ уничтожились. Строгія же преслѣдованія отбили охоту у туркменъ вести это дѣло и тайно. Въ отношеніи всѣхъ другихъ народностей узбеки, какъ завоеватели края, сохраняютъ за собой весьма важное преимущество: ханы и визири могутъ избираться только изъ родовыхъ узбековъ. Хивинскіе узбеки гордятся этимъ преимуществомъ и чистотой своей національности. Считая себя прямыми потомками кочевыхъ племенъ, изъ которыхъ нѣкогда создалась Золотая Орда, они ставятъ себя выше бухарцевъ и даже кокандскихъ узбековъ. Названіе „узбекъ“ есть собирательное, а не племенное. Среди народовъ тюркскаго племени нѣтъ вѣтви или колѣна, которое носило бы названіе узбековъ. Это названіе политическое, а не племенное. Въ XIV вѣкѣ Узбекомъ назывался татарскій ханъ, изъ династіи Чигатаевъ, управлявшій Золотой Ордой; въ его ханство Золотая Орда достигла высшаго могущества. Онъ обратилъ свой народъ въ магометанскую вѣру, и съ тѣхъ поръ, вмѣсто Чигатаевъ, этотъ народъ, по имени своего правителя, получилъ названіе узбековъ. Что касается чисто субъективныхъ качествъ, многіе путешественники считаютъ узбековъ болѣе искреннимъ, честнымъ народомъ, въ отношеніи религіи менѣе фанатичнымъ и лицемѣрнымъ. Къ чести туземнаго населенія вообще нужно отмѣтить одну весьма характерную черту: они совершенно не склонны къ воровству. Даже туркмены къ мелкому воровству и кражамъ довольно равнодушны. Между собою у нихъ бываютъ кражи, а что касается скота, то даже нерѣдки, особенно угонъ лошадей; но чтобы туземецъ обокралъ русскаго,—этого никто не помнитъ. Нѣкоторые объясняютъ подобную черту невозможностью сбыть украденную вещь, но едва ли этому можно повѣрить. Безпечность русскаго населенія невольно бросится въ глаза каждому путешественнику. Оконъ и дверей здѣсь не запираютъ не только на ночь, но даже когда всѣ уходятъ изъ дому. Если бываютъ кражи, то непремѣнно при участіи русскихъ отставныхъ солдатъ или поселенцевъ. Затѣмъ не лишнее отмѣтить, что туземцы совершенно не употребляютъ спиртныхъ напитковъ. Курятъ они почти всѣ, очень многіе, особенно киргизы, жуютъ табакъ, но пить не пьютъ ничего, кромѣ чая, айрана и кумыса. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русскихъ, и они, къ сожалѣнію, начинаютъ знакомиться съ водкой, и встрѣтить туземца пьянымъ теперь уже не такая большая рѣдкость. Что касается личныхъ впечатлѣній, то не могу сказать, чтобы узбекъ поражалъ чистотой своихъ нравовъ или какими-либо духовными преимуществами. До настоящаго времени изъ туземцевъ въ русскую школу посылаютъ своихъ дѣтей только

киргизы. Только среди киргизовъ можно найти грамотнаго переводчика; они же отправляютъ городскія службы, въ качествѣ городовыхъ, переводчиковъ при различныхъ учрежденіяхъ. Несомнѣнно одно, что узбекъ принесъ съ собой свою высокую культуру, примѣнилъ во всей полнотѣ и съ тѣхъ поръ застылъ неподвижно. Обильные урожаи вполнѣ обезпечиваютъ его; туземецъ не знаетъ, что такое голодъ, неурожай. Знойный же климатъ располагаетъ къ восточной лѣни и нѣгѣ. Если туземцу случится какимъ-нибудь побочнымъ путемъ заработать сто рублей,—онъ уже чувствуетъ себя вполнѣ обезпеченнымъ и не сѣетъ. Изолированность ли Хивинскаго оазиса подавила въ узбекѣ всякую инициативу и проявленіе племенного типа, или историческія причины, въ видѣ постояннаго наплыва менѣе культурнаго кочевого элемента, въ связи съ религіознымъ фатализмомъ корана и восточнымъ деспотизмомъ хивинскихъ властителей-хановъ, — неизвѣстно. Но до настоящаго времени узбеки обрабатываютъ землю тѣми же орудіями, какими обрабатывали ихъ предки, можетъ быть, съ момента водворенія своего въ оазисѣ. Вообще узбеки производятъ хорошее впечатлѣніе своимъ добродушіемъ, привѣтливостью и гостепріимствомъ, хотя и на нихъ, какъ на всѣхъ осѣдлыхъ обитателяхъ оазиса, лежитъ отпечатокъ какой-то рабской приниженности. Въ нихъ нѣтъ дикой удали кочевника, его смѣлости, отваги вмѣстѣ съ добродушной простоватостью, какою отличается номадъ вообще и киргизъ въ частности. Да оно и понятно! Это объясняется чисто историческими причинами. Номадъ всегда имѣлъ возможность укрыться отъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ въ глубинѣ недоступной пустыни, куда никакія преслѣдованія хановъ не находили путей. Узбеку же, какъ осѣдлому обитателю, податься было некуда. Волей-неволей онъ долженъ былъ мириться со всѣми причудами деспотической власти, хотя бы только изъ-за личнаго чувства самосохраненія. Для характеристики варварскихъ нравовъ приведу одинъ фактъ, имѣвшій мѣсто сравнительно недавно. Ѣхалъ куда-то хивинскій ханъ и остановился въ степи на ночлегъ. Тою же дорогой направлялся къ себѣ въ селеніе одинъ изъ подданныхъ грознаго хана, простой земледѣлецъ узбекъ. Онъ не зналъ, что всевластный владыка такъ близко, торопился къ ночи добраться до дому и преспокойно проѣхалъ мимо ханскаго лагеря. Вдругъ онъ слышитъ за собой погоню. Грозный ханъ велѣлъ воротить дерзкаго путника, осмѣлившагося не отдать ему должныхъ почестей. Несчастнаго схватили и притащили къ хану. Никакихъ оправданій оробѣвшаго путника ханъ не желалъ слушать. Чтобы неповадно было на будущее время не замѣчать своего владыку, ханъ приказалъ тутъ же ослѣпить несчастнаго.

Живутъ узбеки въ отдѣлѣ преимущественно по главнымъ арыкамъ: Дюртъ-Кульскому, Бузъ-Ябскому, Шураханскому и др. Всѣ арыки обсажены деревьями на всемъ протяженіи занимаемой узбеками площади, каждый клочекъ годной земли орошенъ и воздѣланъ. Ни въ одномъ туземномъ селеніи не

существуетъ выгона для скота. Скотъ или держится во дворахъ, или отгоняется съ кочевниками въ степи. Чаще всего скотъ осѣдлаго туземца не знаетъ подножнаго корма; круглый годъ онъ питается сѣянной травой. Для этой цѣли въ большомъ количествѣ засѣвается кормовая трава люцерна [1]), подъ которую пашня воздѣлывается точно такъ же, какъ подъ всѣ другія культурныя растенія. Люцерна выростаетъ быстро, ее косятъ много разъ въ лѣто, а три, четыре раза выпалываютъ и засѣваютъ снова. Такимъ способомъ заготовляется сѣно на зиму... Что касается внутренней, семейной жизни узбека, то, какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, она представляетъ сферу, куда трудно проникаетъ глазъ посторонняго наблюдателя. Высокими стѣнами своихъ крѣпостей узбекъ оградилъ свою женщину, жену и мать, отъ всякаго внѣшняго вліянія. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось проникнуть въ эту таинственную сферу туземной жизни и сдѣлать кое-какія наблюденія. Узбеку, какъ и всякому магометанину, религія не запрещаетъ имѣть столько женъ, сколько позволяютъ ему его средства, такъ какъ содержаніе семьи, даже при скромныхъ потребностяхъ туземца, обходится очень дорого. Семья, состоящая изъ трехъ женъ и болѣе 20 дѣтей — явленіе самое обыкновенное. За высокими стѣнами женской половины скрывается цѣлый міръ, совершенно особенный, своеобразный міръ, какъ бы на перекоръ основнымъ принципамъ природы, застывшій въ своемъ развитіи. Если вообще азіатскій туземецъ является элементомъ далеко отставшимъ отъ общечеловѣческой культуры, то узбечка представляетъ въ этомъ отношеніи феноменальный типъ полной духовной неподвижности и застоя. Весь циклъ ея помышленій и желаній исчерпывается замужествомъ и дѣторожденіемъ. Болѣе бездѣятельной, безличной и безпомощной женщины, лишенной всякихъ человѣческихъ правъ и достоинства, какъ узбечка и сартянка богатой, даже зажиточной только семьи, трудно себѣ вообразить! Полусознательное существованіе, неразвитость, отсутствіе какого бы то ни было критерія примиряютъ ее съ положеніемъ первой, второй, третьей, а иногда и четвертой жены подъ одной кровлей, за высокими стѣнами одной общей сакли. Каждый узбекъ, разъ имѣетъ нѣсколько женъ, обязанъ имѣть для каждой жены отдѣльное помѣщеніе, обыкновенно состоящее изъ одной, двухъ комнатъ. Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Ташкентѣ, у богатаго сарта мнѣ случалось встрѣчать полуевропейскую обстановку, кровать съ горою подушекъ, даже туалетный столъ съ зеркаломъ, особенно у молодыхъ женщинъ, недавно вышедшихъ замужъ за пожилого сарта; въ утѣху молодой женѣ, нерѣдко противъ ея желанія, старый мужъ вводитъ въ женской половинѣ полуевропейскую обстановку. Но такая обстановка у туземцевъ является, какъ исключеніе и весьма рѣдкое. У богатаго туземца заводится даже европейская половина для пріема русскихъ гостей. Внутренняя жилая

[1]) Неправильно называемая туземцами «клеверомъ».

часть двора узбека средняго достатка имѣетъ двѣ половины. Въ первой половинѣ живетъ мужское населеніе семьи, лѣтомъ въ кибиткахъ, зимою въ саклѣ. Въ эту половину его сакли можетъ зайти каждый, даже совершенно незнакомый человѣкъ; здѣсь есть спеціальное помѣщеніе для гостей, „миманхане“, гдѣ не рѣдкость встрѣтить кровать и столъ. У бѣдняковъ не имѣется даже женской половины. Вся семья безъ различія возраста и пола живетъ въ одномъ помѣщеніи... Вторая половина, женская или семейная, обыкновенно совершенно изолирована отъ первой. Чтобы проникнуть въ женскую половину, нужно миновать множество различныхъ темныхъ закоулковъ, крытыхъ проходовъ. Небольшой дворъ, напоминающій тюремные дворы, содержится довольно чисто, иногда даже вымощенъ камнемъ или кирпичемъ. Кромѣ клочка синяго неба, изъ такого двора ничего не видно. Къ высокимъ стѣнамъ подъ одной общей крышей лѣпятся незатѣйливыя глиняныя постройки, для каждой жены отдѣльно. Такое помѣщеніе обыкновенно состоитъ изъ двухъ комнатъ. Первая, поменьше, представляетъ нѣчто въ родѣ сѣнцевъ или передней. Здѣсь, съ правой стороны отъ входной двери, въ земляномъ полу дѣлается небольшая выемка, въ видѣ довольно широкой, неглубокой четырехъ-угольной ямы. Яма выложена жженымъ кирпичемъ и служитъ правовѣрнымъ узбечкамъ мѣстомъ для омовенія и для сливанія всякихъ домашнихъ нечистотъ, по трубѣ стекающихъ прямо во дворъ. Здѣсь, въ этой комнатѣ, всѣ входящіе въ домъ оставляютъ свои калоши, „каушъ“, и входятъ въ слѣдующую комнату въ кожаныхъ чулкахъ „масси“. Вторая комната значительно больше первой, но всегда черная, мрачная, закопченная. Стѣны обѣихъ комнатъ гладко смазаны глиной, но никогда не чистятся и не обметаются; полы также смазаны глиной, сбрызгиваются водой для прохлады и изрѣдка подметаются. Среди комнаты, около того мѣста, гдѣ зимою курится очагъ, разостланы ковры или тростниковыя плетенки, смотря по состоятельности хозяина, набросаны подушки, валики, среди которыхъ въ лѣнивой восточной нѣгѣ по цѣлымъ днямъ сидитъ или лежитъ хозяйка съ своими ребятишками. Пока она молода, хороша, здорова, мужъ ублажаетъ ее, отдаетъ ей все свое вниманіе и ласки. Но чуть она захирѣла, подурнѣла, начала стариться, бокъ-о-бокъ съ ея половиной, подъ одной и той же крышей воздвигается новая половина, куда мужъ вводитъ вторую, молодую жену. Первая жена все больше и больше утрачиваетъ свое значеніе жены, а съ появленіемъ третьей и четвертой жены совершенно переходитъ въ роль приживалки, которую мужъ почти не навѣщаетъ, не равняетъ въ пищѣ и одеждѣ. Нужно вообразить, что за муки испытываетъ женщина, привыкшая жить только инстинктами самки! Отъ злости, зависти и болѣзней онѣ быстро увядаютъ и гибнутъ!.. Освѣщается комната небольшимъ отверстіемъ въ потолкѣ, которое служитъ и дымовымъ отверстіемъ. Въ зимнее время помѣщеніе отапливается горящимъ на очагѣ костромъ изъ саксаульныхъ дровъ, здѣсь же приготовляется и пища. Нужна

привычка туземца, чтобы не задохнуться въ такомъ помѣщеніи отъ чаду и дыму. Хотя на ночь отверстіе плотно закрывается, но сакля все таки остываетъ. Въ холодныя зимы ночью семья обогрѣвается при помощи „сандали“. Такъ называется жаровня съ горящими углями, которую ставятъ въ комнатѣ подъ табуретъ. Табуретъ накрывается нѣсколькими одѣялами, подъ которыя забирается вся семья и спитъ. Нечего говорить, какой вредъ приноситъ подобное согрѣваніе особенно въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ. Коранъ предписываетъ мужу два раза въ недѣлю доставлять женамъ мясо. Обыкновенно такими счастливыми днями бываютъ четвергъ и воскресенье. Въ эти дни вечеромъ изъ-за высокихъ стѣнъ узбекскихъ замковъ синеватой струйкой поднимается къ небу дымокъ. Узбечки варятъ любимое свое кушаніе изъ рису и баранины—пилавъ. У состоятельнаго узбека каждая жена имѣетъ свой котелъ и штатъ прислуги, которая чаще всего живетъ при семьѣ изъза куска хлѣба. Семьи бѣдняковъ только въ эти дни и ѣдятъ горячую пищу. Каждодневной же пищей для большинства служитъ „шурпа“,—супъ, который приготовляется въ видѣ болтушки изъ воды и муки, приправляется кунжутнымъ масломъ, машемъ [1]) и краснымъ стручковымъ перцомъ. Шурпа съ прѣсной лепешкой и чай составляютъ самую распространенную пищу неприхотливаго туземца... По чернымъ, закопченнымъ стѣнамъ на полкахъ разставлена домашняя утварь узбечки: мѣдные азіатской работы кувшины: для омовенія *„кулганъ“*, для согрѣванія кипятку *„тмча“*; разныхъ величинъ мѣдныя блюда, подносы, посуда для чая: чайники, чашки. Въ срединѣ стѣны, противъ входной двери сдѣлано небольшое углубленіе въ видѣ ниши. Это мѣсто священное, неприкосновенное для посторонняго. Ниша прикрыта особаго рода плетенкой изъ нанизанныхъ на нитки сухихъ плодовъ цѣлебной травы, извѣстной у туземцевъ подъ именемъ „сырчикъ“, и по формѣ своей напоминаетъ лѣтнюю ажурную дамскую накидку. Въ перемежку съ плодами травы „сырчикъ“ нанизанъ миндаль безъ скорлупы, а къ концамъ каждой нитки привязаны кусочки ваты, красныя и бѣлыя тряпочки. Сырчикъ употребляется отъ многихъ болѣзней и между прочимъ отъ безплодія. Подлѣ сакли обыкновенно устраивается широкій открытый навѣсъ, родъ балкона, иногда выходящій въ тѣнистый виноградникъ или фруктовый садъ.

Здѣсь подъ навѣсомъ въ душные лѣтніе вечера собираются всѣ жены съ приживалками, которыя, какъ комары, присасываются къ каждой состоятельной семьѣ работницами, и проводятъ время въ болтовнѣ и сплетняхъ. Узбекскій фруктовый садъ это настоящій рай, густой, тѣнистый, изрѣзанъ арыками, по которымъ, не смолкая, журчитъ вода. Отъ него дышетъ прохладой и ароматомъ зрѣющихъ плодовъ. Изъ фруктовыхъ деревьевъ чаще всего встрѣчаются: урюкъ (абрикосъ), миндаль, сливы, простые сорта яблонь и грушъ. Въ послѣднее время,

[1]) Машъ—особенный видъ гороха.

впрочемъ, благодаря вліянію русскихъ, простые сорта фруктовыхъ деревьевъ замѣняются выписными и даютъ прекрасные урожаи. Виноградники хивинскіе состоятъ изъ лозъ очень хорошаго качества; виноградъ крупный, сочный и очень сладкій... Въ такой-то тѣсной, душной рамкѣ протекаетъ вся жизнь туземки. Холодность мужа и безплодіе суть величайшія несчастія, передъ которыми трепещетъ каждая узбечка. По ея убѣжденію, эти несчастья посѣщаютъ женщину не сами по себѣ, а подъ вліяніемъ злой, темной силы въ образѣ и подобіи человѣка. Она вся находится подъ давленіемъ этой темной силы и по своему оберегаетъ и защищаетъ себя отъ нея. Для огражденія себя отъ безплодія она носитъ амулеты или „тумары“. Тумары бываютъ разные по формѣ и носятся не одинаково. Для огражденія семейнаго счастья амулетъ носится прямо на тѣлѣ, подъ рубахой. Этотъ амулетъ состоитъ изъ длиннаго, узкаго мѣшочка, сшитаго изъ бѣлой бумажной матеріи, въ который вкладываются молитвы, въ изобиліи раздаваемыя магометанскимъ духовенствомъ, насыпается немного соли, сухихъ сѣмянъ травы „Сырчикъ“ и чернаго проса; мѣшочекъ, длиною около четырехъ вершковъ, наглухо зашивается и при помощи шнурка надѣвается на шею. Такой „тумаръ“ женщина надѣваетъ сейчасъ же послѣ замужества и носитъ всю жизнь, до самой смерти. Другой „тумаръ“, въ видѣ пятиугольнаго мѣшочка, всегда шьется изъ яркой цвѣтной матеріи и носится отъ дурного глаза, отъ сглазу, сверху на платьѣ: дѣвушками, мужчинами, молодыми, пожилыми и дѣтьми. Дѣвушки прикрѣпляютъ его къ рубахѣ на лѣвой сторонѣ груди, мужчины къ халату на спинѣ, а иногда къ тюбидейкѣ, круглой шапочкѣ, вродѣ фески турецкой, которую всѣ туземцы носятъ подъ верхней барашковой шапкой. Мальчикамъ отъ сглазу же прикрѣпляютъ къ тюбидейкѣ амулеты другой формы, въ видѣ игольника; такой формы амулеты встрѣчаются у женщинъ на серьгахъ въ видѣ металлическихъ привѣсковъ. Отъ безплодья женщины носятъ ожерелья изъ янтаря и мелкой серебрянной монеты, а также изъ коралла и гвоздики; для сохраненія красоты и хорошаго цвѣта лица—ожерелье изъ одного янтаря; для сохраненія привязанности мужа—ожерелье изъ одного коралла и т. д. и т. д. Нужно принять во вниманіе, что здѣсь дѣвушки выходятъ замужъ рано. Я видѣла женщинъ, которыя состояли въ замужествѣ съ одинадцати и даже десятилѣтняго возраста, и это были вовсе не исключительные случаи. Женщина выростаетъ и формируется уже въ замужествѣ. Съ этого полудѣтскаго возраста она начинаетъ борьбу съ невидимыми, но всегда враждебными силами, подъ гнетомъ которыхъ находится всю жизнь, до конца дней. Особенно подавляютъ ее вѣчныя опасенія дурного глаза, опасеніе какъ-бы кто-нибудь злымъ, завистливымъ взглядомъ не испортилъ всю ея жизнь. Помимо амулетовъ и ожерелій, она ограждаетъ себя отъ этого несчастья, прикрѣпляя къ головному убору перья ночныхъ птицъ, преимущественно филина, который считается у всѣхъ туземцевъ птицей священной и цѣнится очень дорого. Здѣсь, несомнѣнно, свой-

ство птицы видѣть среди непроницаемой темноты ночи переносится на перья. Для этой же цѣли сартянки и узбечки при выходѣ изъ дома прикрываютъ лицо особаго рода покрываломъ, „чашманъ“,—сѣтка изъ чернаго, конскаго волоса. „Чашманъ“ прикрѣпляется къ надѣтому на голову халату и ниспадаетъ спереди до пояса. Очень многіе путешественники предполагаютъ, что восточный обычай женщинъ прикрывать лицо отъ посторонняго взгляда, введенъ мужчиной для огражденія себя отъ мучительнаго чувства ревности. Но едва ли это такъ. Можетъ быть, нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда женщинъ было мало, а претендентовъ на обладаніе ими слишкомъ много, этимъ способомъ женщина и спасала себя отъ дерзости слишкомъ пылкихъ поклонниковъ. Но въ настоящее время едва ли найдется такой мужчина изъ туземцевъ, который не сумѣлъ бы сдержать своей страсти. Во-первыхъ, публичнымъ оскорбленіемъ порядочной женщины онъ навсегда опозорилъ бы себя передъ односельчанами и вообще испортилъ жизнь, такъ какъ вызвалъ бы месть и преслѣдованія со стороны мужа и родныхъ женщины. Зачѣмъ ему прибѣгать къ крайностямъ, когда окольными путями онъ всегда можетъ добиться желаемаго? Никакіе „дувалы“ не спасаютъ мужей отъ измѣны! Закрывать лицо покрываломъ есть обычай, установленный, по моему мнѣнію, самой женщиной и освященный временемъ. Ни узбечка, ни сартянка ни за что не снимутъ съ лица своего „чашмана“, вовсе не изъ опасенія ревности со стороны мужа, а изъ боязни дурного, завистливаго глаза, подъ вліяніемъ котораго, по ея убѣжденію, исчезаетъ красота и семейное счастье. Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ узбеками и сартами, и всѣ они высказывались въ томъ смыслѣ, что лично мужчины, мужья, противъ уничтоженія обычая прикрывать лицо ничего не имѣютъ, но что сами женщины ни за что не согласятся ходить безъ покрывала, и они говорили правду.—„Заставить нашу женщину измѣнить костюмъ такъ же трудно, какъ осла бѣжать рысью!“—не безъ ироніи добавляли они. Что туземцы говорили искренно, и что въ этомъ обычаѣ ревность никакой роли не играетъ, можно судить по тому весьма грустному факту, который народился хотя недавно, но имѣетъ довольно широкое распространеніе, чуть-ли не во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края. Пользуясь правомъ магометанина, нерѣдко туземецъ беретъ въ домъ пять, шесть женъ и открываетъ публичный домъ. Возможны-ли подобные факты, если туземецъ дѣйствительно ревнивъ?.. Есть еще одинъ врагъ у осѣдлаго населенія, безпощадный, неодолимый,—этотъ врагъ рѣка Аму-Дарья. Насколько щедро вознаграждаетъ она трудъ земледѣльца, настолько же безпощадно уничтожаетъ все его имущество. Этого врага и кормильца въ одно и тоже время рѣдкій туземецъ не проклинаетъ за непостоянство, опустошительныя наводненія и опасные потопы и тѣмъ не менѣе только въ союзѣ съ нимъ, съ этимъ ненадежнымъ помощникомъ, онъ въ состояніи жить, дышать, вообще существовать! И отъ этого безпощаднаго врага женщина стремится защитить себя чисто

внѣшними знаками. Въ костюмѣ ея, особенно въ принадлежностяхъ головного убора, играютъ важную роль перья водоплавающихъ птицъ, главнымъ образомъ утиныя. Утиныя перья вы найдете среди золота, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга на нарядной шапочкѣ богатой дѣвушки и на не менѣе дорогомъ головномъ уборѣ богатой женщины, „глякашъ“, вродѣ русскаго кокошника, среди бирюзы, граната и золота. Несомнѣнно, здѣсь свойство всѣхъ водоплавающихъ не бояться воды переносится на перья, которыми женщина стремится предохранить себя отъ этого несчастья. Изъ перечня всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ нетрудно придти къ заключенію, въ какомъ непроглядномъ мракѣ и безпросвѣтномъ невѣжествѣ находится среднеазіатская женщина, и сколько еще вѣковъ пройдетъ, прежде чѣмъ хоть одинъ лучъ свѣта проникнетъ въ таинственную сферу семейной жизни туземки! Туземка небогатой семьи производитъ менѣе удручающее впечатлѣніе. Это не изнѣженныя и отупѣвшія отъ нѣги и лѣни жалкія, безпомощныя паразитки, которыхъ, одну на смѣну другой, покупаетъ за деньги мужъ, подрывая всякое уваженіе даже собственныхъ ея дѣтей, а трудолюбивый, дѣятельный членъ семьи; на ней лежатъ всѣ домашнія работы по уборкѣ хлѣбовъ, превращеніи зерна въ муку и пр.; женщины же очищаютъ хлопокъ, заготовляютъ пряжу, изъ которой ткутъ грубую бумажную матерію для домашняго употребленія, занимаются разведеніемъ шелковичныхъ червей, причемъ оживленіе грены производится въ мѣшочкахъ за пазухой. Въ земледѣльческихъ работахъ женщины не принимаютъ никакого участія; этотъ трудъ всецѣло лежитъ на мужской половинѣ туземнаго населенія.

Какъ профессіональный земледѣлецъ, узбекъ не можетъ обойтись безъ скота. Скотъ помогаетъ ему обрабатывать пашню, но главнымъ образомъ доставляетъ необходимый продуктъ для удобренія. Какъ ни плодородна лесовая почва, но требуетъ ежегоднаго удобренія; поэтому туземецъ привыкъ обращаться съ навозомъ съ большой бережливостью. У богатыхъ узбековъ имѣется скотный дворъ, отдѣленный наглухо отъ жилого двора; у бѣдняковъ скотъ находится въ томъ же дворѣ, въ которомъ они живутъ сами. За зиму, особенно если скота много, весь дворъ покрывается навозомъ; благодаря утаптыванію животными и ежедневному подсыпанію песка, чтобы ни малѣйшая частица дорогого въ хозяйствѣ продукта не пропадала зря, навозъ превращается въ одну громадную, довольно компактную массу. Весной этотъ навозъ узбекъ вывозитъ на пашни и начинаетъ копить новый, гдѣ-нибудь снаружи, подлѣ стѣнъ своей сакли; сюда на одно опредѣленное мѣсто сгоняетъ онъ свой скотъ во всякое свободное отъ работы время и держитъ на привязи или подъ строгимъ карауломъ. Страшное зловоніе окружаетъ жилище узбека, вполнѣ гармонируя съ его неряшливостью въ отношеніи домашней жизни и одежды, которую не перемѣняютъ до тѣхъ поръ, пока она сама не свалится съ плечъ. Отъ неряшливости и нечистоплотности среди нихъ, взрослыхъ и дѣтей, распространены всевозможныя накожныя болѣзни, къ числу

которыхъ относится такъ называемая „сартовская“ болѣзнь. Гнойный прыщъ на лицѣ или, рукахъ, при страшномъ зудѣ, иногда не заживаетъ годами. Я видѣлъ женщинъ, узбечекъ, изъ работницъ, у которыхъ не было живого мѣста на лицѣ отъ этой болѣзни. Къ русскому просвѣщенію узбеки относятся недовѣрчиво. Большинство изъ нихъ обучается арабской грамотѣ въ туземныхъ школахъ „медрессе“. Но лучше объ этихъ школахъ не упоминать! Руководителями школъ являются обыкновенно духовныя лица, муллы. Крайніе фанатики въ религіи, они довольно успѣшно насаждаютъ фанатизмъ въ молодомъ поколѣніи, притупляя всякую свободу мысли заучиваніемъ текстовъ изъ Корана и разныхъ памятниковъ изъ древне-арабской и древне-персидской письменности. Ничего свѣжаго, новаго, современнаго не вносятъ преподаватели этихъ школъ. Они искусственно какъ-бы останавливаютъ развитіе молодого поколѣнія на томъ уровнѣ, на какомъ оно находилось много вѣковъ тому назадъ.

II.

Второю народностью по численности и экономическому значенію въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ и во всемъ Хивинскомъ оазисѣ, нужно считать киргизовъ, хотя, благодаря кочевому образу жизни, свѣдѣнія о нихъ такъ ничтожны, а тѣ, которыя имѣются, настолько неточны, что почти не имѣютъ никакого значенія. Оффиціально всѣ киргизскія кочевья пріурочены къ той или другой волости, съ точнымъ опредѣленіемъ количества кибитокъ [1]) и душъ, хотя на самомъ дѣлѣ ни кибитокъ, ни самихъ киргизовъ никто не считалъ. Произвольно принимая, что каждая кибитка состоитъ изъ пяти человѣкъ: отца, матери и троихъ дѣтей, выведено, что въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ общая цифра киргизскаго населенія равняется 40,000 душъ. Всѣ Аму-Дарьинскіе киргизы называютъ себя казакками. Это обстоятельство дало основаніе нѣкоторымъ путешественникамъ, изъ иностранцевъ, причислить ихъ къ остаткамъ киргизъ-кайсакской орды, и назвать киргизъ-кайсаками. Тщательное изслѣдованіе этого вопроса не подтвердило такого предположенія, да и сами киргизы ни въ настоящее время, ни прежде никогда не называли себя киргизъ-кайсаками, а просто „казакками“. По предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, названіе „казаккъ“ дано тюрками нѣкоторымъ родамъ изъ средне-азіатскихъ кочевниковъ, которые отдѣлились отъ своихъ единоплеменниковъ и стали составлять новые союзы изъ разныхъ народностей; можетъ быть, какой-нибудь изъ этихъ разноплеменныхъ союзовъ и назывался киргизъ-кайсакскимъ. Вообще киргизы не представляютъ изъ себя чистаго типа; они составились изъ разнообразныхъ народностей, среди которыхъ не послѣднюю

[1]) Юрта.

роль играетъ и тюркское племя. У киргизовъ существуетъ множество преданій, до нѣкоторой степени подтверждающихъ общее убѣжденіе этого народа, что они представляютъ остатки бывшаго царства Чингизъ-хана. Аму-Дарьинскіе киргизы о своемъ происхожденіи говорятъ такъ: было нѣкогда три родныхъ брата; отъ перваго брата произошли узбеки, отъ второго—киргизы, а отъ третьяго—кара-калпаки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что киргизы самые близкіе родственники бывшихъ чигатаевъ, а теперешнихъ узбековъ. У тѣхъ и другихъ до настоящаго времени сохранились одни и тѣ же названія родовъ. Какъ извѣстно въ русской исторіи, киргизы, какъ обитатели Волжскихъ, Уральскихъ и Оренбургскихъ степей, съ незапамятныхъ временъ играли какую-нибудь роль, то какъ элементъ безпокойный, который приходилось усмирять, то, угнетаемые другими, болѣе сильными кочевниками, по преимуществу калмыками, киргизы сами отдавались подъ защиту русскаго правительства, взывая о помощи. По мѣрѣ силъ и возможности, русское правительство всегда отзывалось на эти просьбы, причемъ каждый разъ въ трудныя минуты киргизы присягали въ неизмѣнной вѣрности русскому правительству и каждый разъ измѣняли этой присягѣ. Достаточно было какому-нибудь честолюбивому хану изъ личныхъ интересовъ начать интригу противъ русскаго авторитета, и среди киргизовъ начинались новыя смуты. Иногда они уходили за предѣлы русскихъ владѣній въ степи бухарскаго и хивинскаго ханства, гдѣ нѣкоторые изъ предводителей киргизскихъ ордъ добивались даже ханскаго престола, правда, всегда не надолго. Среди туземцевъ обыкновенно поднималось возстаніе, и незванному хану съ его сподвижниками приходилось искать спасеніе бѣгствомъ. Съ большими потерями киргизы снова возвращались въ Россію и и снова искали ея покровительства. Немало было попытокъ положить конецъ такому образу дѣйствій, пріучить киргиза къ осѣдлой жизни. Для этой цѣли киргизамъ отводились земли; русское правительство потратило немало средствъ на снабженіе ихъ даровыми сѣменами, даже заготовлялось для нихъ сѣно, чтобы пріучить къ сѣнокошенію, но до нашихъ дней ни изъ оренбургскаго и уральскаго, ни изъ туркестанскаго киргиза настоящаго землевладѣльца не выработалось. Въ Туркестанскомъ краѣ годъ отъ году жизнь номада становится все труднѣе и труднѣе. Съ водвореніемъ русскихъ большинство киргизскихъ земель отошло подъ русскія поселенія. Номадъ ужъ не имѣетъ прежняго приволья въ своемъ кочевьѣ и волей или неволей осѣдаетъ на землю или батракомъ, наемникомъ, у сарта или узбека, если онъ совершенно обнищалъ, причемъ завѣтной мечтой его является желаніе накопить денегъ и купить себѣ жену и лошадь,—или самостоятельнымъ хозяиномъ, если у него сохранилось хоть нѣсколько десятковъ головъ скота. Но что это за хозяйство? Ведетъ онъ его какъ-нибудь, спустя рукава, не вкладывая ни души, какъ узбекъ, ни особеннаго попеченія! Едва настанетъ весна, онъ прежде всего спѣшитъ откочевать, оставляя землю и все свое скудное хозяйство на попеченіе

„егинчей", бѣдныхъ родственниковъ, которые остаются на мѣстѣ только потому, что имъ подняться не съ чѣмъ; окончательно обнищавшіе, лишенные скота и, слѣдовательно, повода и возможности вести кочевой образъ жизни, „егинчи" превратились въ осѣдлыхъ поневолѣ. Благодаря отсутствію правильнаго орошенія и плохой обработкѣ земли, урожаи у киргизовъ самые ничтожные. Собственнаго хлѣба едва-ли имъ хватаетъ на прокормленіе семьи. Иногда „егинчи" распоряжаются съ оставленной на ихъ попеченіи землей, какъ полновластные владѣльцы. Въ Туркестанѣ, особенно во время хлопковой горячки, очень многіе русскіе промышленники скупали земли подъ культуру хлопка. „Егинчи" охотно продавали участки своихъ благодѣтелей, родственниковъ. Благодаря этому, возвратясь съ кочевья, киргизы не находили ни земли, ни бѣдныхъ родственниковъ, благополучно откочевавшихъ въ безопасныя отъ преслѣдованій мѣста. Начинались споры, тяжбы, которые обыкновенно ни къ чему не приводили бывшихъ владѣльцевъ. Дѣло заканчивалось тѣмъ, что обиженные киргизы такимъ же незаконнымъ путемъ захватывали земли у сосѣдей. Въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, при современныхъ условіяхъ хозяйства, жизнь номада является наиболѣе приспособленной къ всѣмъ случайностямъ, подчасъ губительнымъ для осѣдлаго обитателя. Туземная пословица: „Когда Дарья идетъ къ намъ—мы бѣжимъ отъ нея; когда Дарья уходитъ отъ насъ—мы бѣжимъ за ней"—также характерна для номада, какъ и для осѣдлаго обитателя. Номадъ никогда не страдаетъ отъ рѣки, какъ бы неожиданны ни были ея разливы. Все его имущество—движимое. Едва онъ замѣтитъ первые признаки коварнаго набѣга рѣки, какъ немедленно складываетъ свою кибитку, весь скарбъ и отгоняетъ скотъ на безопасное мѣсто. Но вотъ разливъ прошелъ, вода спала, напоивъ до сыта почву и насытивъ своимъ плодороднымъ иломъ. Черезъ нѣсколько дней по спадѣ воды залитыя мѣста невозможно узнать! Версты на двѣ, на три берегъ покрывается сочной молодой растительностью! Номадъ только этого и ждетъ. Съ своимъ скотомъ онъ возвращается на тучные заливные луга и не покидаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока отъ лѣтняго зноя, жары и горячаго вѣтра не погоритъ вся растительность. Тогда киргизъ перекочевываетъ къ горамъ или въ Оренбургскія степи. Въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ киргизскіе участки разбросаны въ волостяхъ: Бій-Базарской, Шейхъ-Абасъ-Валійской и Дюртъ-Кульской, но главная масса киргизскаго населенія сосредоточена въ Дау-Карѣ, близъ Дау-Каринскихъ озеръ, на дельтѣ Аму-Дарьи. Строго говоря, трудно разграничить мѣстопребываніе кочевника. Они разсѣяны по всему Хивинскому оазису, не исключая и пустыни Кызыль-Кумъ. Эта страсть къ перекочевкамъ не всегда является слѣдствіемъ недостатка корма. Иногда они покидаютъ хорошія пастбища и останавливаются на худшихъ. Перекочевка вызывается многовѣковыми традиціями, а не поисками удобныхъ пастбищъ. Даже осѣвшіе киргизы, земледѣльцы, которымъ за недостаткомъ скота кочевать не съ чѣмъ, тѣмъ не менѣе, хоть

на нѣсколько верстъ, но непремѣнно перекочуютъ отъ того мѣста, гдѣ зимовали. День, въ который назначена перекочевка, самый торжественный въ жизни киргиза. Всѣ они наряжаются въ лучшія одежды, женщины приготовляютъ праздничныя блюда, изъ которыхъ самое любимое „кавардакъ“, баранье мясо, нарѣзанное кусочками и поджаренное съ перцемъ, лукомъ въ салѣ; проводятъ время въ пѣсняхъ, играхъ и разныхъ забавахъ. Дальнія перекочевки за много десятковъ верстъ обыкновенно совершаются по одному и тому же пути, по которому кочевали ихъ предки; останавливаются они на недѣлю, на двѣ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ у колодцевъ; отступленія строго преслѣдуются, вызывая кровавую месть. Семейный бытъ киргиза сложился нѣсколько иначе, чѣмъ у сосѣда его узбека. Женщина, киргизка, не такъ замкнута, не стѣснена требованіями обычая прятаться отъ мужчинъ, она никогда не прикрывала своего лица отъ посторонняго взгляда и не такъ порабощена борьбою съ темными, злыми силами, какъ узбечка; несомнѣнно, эта относительная свобода киргизки обусловливается кочевымъ образомъ жизни, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она также безлична и безправна, какъ всѣ восточныя женщины. Ей некогда нѣжиться и тупѣть отъ бездѣлья. Въ семьѣ киргиза весь трудъ, всѣ домашнія работы несетъ на своихъ плечахъ женщина—въ то время, какъ мужчина при всякомъ удобномъ случаѣ уклоняется отъ работы, разъѣзжаетъ по ауламъ и базарамъ, собираетъ новости, занимается охотой. У киргизовъ также допускается многоженство, но хозяйкой въ домѣ всегда остается старшая изъ женъ. Въ этомъ заключается существенное отличіе киргизской семьи отъ семьи узбека. Однако, несмотря на нѣкоторую свободу и болѣе осмысленную жизнь, киргизка все таки является товаромъ, который можно купить и продать. Этотъ обычай всѣхъ восточныхъ народовъ покупать женъ—какъ рабочій скотъ—варварскій обычай, который какъ-то совершенно непонятно уживается и не возмущаетъ гуманнаго чувства чуткаго европейца. Во всѣхъ азіатскихъ странахъ достаточно европейцу явиться завоевателемъ, чтобы прежде всего уничтожилось рабство, торговля невольниками. Между тѣмъ какъ не менѣе возмутительное зло, торговля рабами-женщинами переживаетъ столѣтія бокъ-о-бокъ съ цивилизованнымъ міромъ, не возбуждая даже вопроса о законности подобнаго образа дѣйствій!.. По обычаю дѣвушку-киргизку можетъ продать по своему выбору любому жениху не только отецъ, но и каждый изъ братьевъ. Бываютъ такіе случаи, что одну и ту же дѣвушку отецъ продаетъ одному жениху за плату, установленную взаимнымъ соглашеніемъ, а братъ другому жениху и оба получаютъ задатки! Наконецъ, дѣвушка выходитъ замужъ за одного изъ избранныхъ жениховъ, конечно, безъ всякаго участья личнаго чувства; другой женихъ, также уплатившій задатокъ, заявляетъ претензію и при первой возможности утаскиваетъ женщину къ себѣ. Тогда мужъ вступаетъ въ свои права и тащитъ жену обратно. Такимъ образомъ женщина переходитъ изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока соперникамъ не

надоѣстъ или, утративъ красоту, киргизка перестаетъ быть лакомымъ кускомъ для соперниковъ! Не менѣе ужасенъ другой обычай, по которому женщина по смерти мужа должна принадлежать родному брату умершаго. Послѣдній обычай, какъ первый, вызываетъ массу всевозможныхъ недоразумѣній и кровавыхъ распрей. Это-ли еще не ужасное рабство!.. Всѣ киргизы распадаются на роды, перечислить которые едва-ли возможно за недостаткомъ свѣдѣній. Родовое начало есть тотъ рычагъ, на которомъ зиждется весь бытъ киргиза. Не всякій киргизъ назоветъ своего пророка по имени, но всегда знаетъ, къ какому роду принадлежитъ ближайшій изъ его сосѣдей. Насколько сильна охрана родового начала, можно судить по слѣдующему факту, имѣвшему мѣсто во время нашего пребыванія въ отдѣлѣ. Одна молодая, красивая киргизка по смерти мужа не захотѣла подчиниться обычаю, по которому она должна была перейти въ жены родного брата умершаго мужа. Она задумала устроить свою жизнь не по обычаю, а по влеченію своего сердца. Къ сожалѣнію избранникъ ея принадлежалъ къ другому роду. Всѣ, конечно, возстали противъ такого вольнодумства, но, не взирая ни на кого, молодая женщина бѣжала изъ аула и вышла замужъ за любимаго человѣка. Родственники употребляли всѣ усилія вернуть заблудшую овцу, но подѣлать ничего не могли. Прошло нѣсколько лѣтъ; у женщины появились дѣти, а старшіе въ родѣ, къ которому принадлежала красавица, не прекращали хлопотъ о ея возвращеніи. Они выбрали старѣйшихъ представителей и отправили по начальству съ просьбой заставить женщину силой вернуться, обѣщая предоставить ей свободу въ выборѣ жениха, но изъ того рода, къ какому принадлежала сама. Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно, но, несомнѣнно, главнымъ побужденіемъ домогательствъ стариковъ служило желаніе сохранить красивую женщину въ своемъ родѣ. Въ силу такого тяжелаго положенія самоубійство среди туземныхъ женщинъ — дѣло обыкновенное!.. Что касается костюма киргизки, мнѣ ни разу не случалось видѣть такихъ дорогихъ и разнообразныхъ головныхъ украшеній, какъ у узбечекъ и сартянокъ. Кромѣ чалмы, „джаулыка“, я не видала у киргизокъ въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ никакого другого головного убора. Серьги онѣ носятъ большія, тяжелыя, которыя при помощи крючка надѣваются прямо на ухо, и очень рѣдко ожерелья. Не носятъ онѣ также серьги въ носу, какъ узбечки. По характеру своему киргизъ смѣлъ, добродушенъ и всегда веселъ. Отличительной чертой его является гостепріимство и уваженіе къ старшимъ. По религіи всѣ киргизы считаются магометанами, хотя по существу совершенно индифферентны, равнодушны въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Большинство изъ нихъ не соблюдаетъ даже внѣшнихъ, формальныхъ религіозныхъ обрядовъ, а въ случаѣ преслѣдованій со стороны правительственнаго духовенства, скрываются въ степяхъ пустыни. У киргизовъ имѣется свое духовенство, такъ называемое „хаджи“, которые не принадлежатъ ни къ какому роду и потому считаются потомками пророка, и бродячіе муллы, чаще

всего изъ татаръ, которые совершаютъ требы и обучаютъ дѣтей арабской грамотѣ. Насколько подобное обученіе ведется успѣшно, можно судить по тому, что рѣдкій киргизъ знаетъ по имени своего пророка Магомета.

Самыми близкими сосѣдями киргизовъ въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ являются кара-калпаки, получившіе это названіе отъ громадныхъ, мохнатыхъ, черныхъ барашковыхъ шапокъ, которыя носятъ и по настоящее время. Имя „Черныя шапки“, или „Черные клобуки“, упоминается въ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ, а также историками Чингизъ-хана и Тамерлана. По этимъ даннымъ нужно предполагать, что въ древнѣйшія времена кара-калпаки жили по сосѣдству съ русскими, на лѣвомъ берегу Волги и, очень можетъ быть, представляютъ остатки потомковъ печенѣговъ. У кара-калпаковъ существуетъ преданіе, что нѣкогда они жили въ Средней Азіи, откуда переселились на сѣверо-западъ, въ бывшее Казанское царство, но, тѣснимые ногаями, должны были удалиться и долго бродили по степямъ въ постоянной враждѣ съ казаками-киргизами, пока, наконецъ, не распались на три части. Одна часть поселилась на Сыръ-Дарьѣ, другая по Зеравшану, а третья на Аму-Дарьѣ. Такъ-ли было это, или нѣтъ — неизвѣстно, но у современныхъ Аму-Дарьинскихъ кара-калпаковъ сохранилось довольно свѣжее воспоминаніе о пребываніи на Сыръ-Дарьѣ, вблизи форта Перовскаго. Много десятковъ лѣтъ тому назадъ они были вытѣснены съ Сыръ-Дарьи киргизами и постепенно переселились на дельту Аму-Дарьи. Если вѣрить воспоминаніямъ стариковъ, то на Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ была одна и таже группа кара-калпаковъ. Въ XVIII вѣкѣ исторія застаетъ кара-калпаковъ на Аму-Дарьѣ. Тѣснимые номадами, аму-дарьинскіе кара-калпаки обращались за покровительствомъ къ Россіи и даже приняли русское подданство, но такъ какъ русское правительство не имѣло возможности оградить ихъ отъ притѣсненій кочевниковъ, то они вынуждены были отдаться подъ покровительство Хивы и отчасти Бухары. Въ настоящее время въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ кара-калпаки занимаютъ исключительно дельту, близъ Дау-Каринскихъ озеръ и городовъ: Чимбы, Кунграда, Кипчака и Ходжейли. Кара-калпаки народъ рослый, здоровый, сильный, закаленный въ борьбѣ со всѣми случайностями недружелюбной природы. По своему внѣшнему виду онъ представляетъ нѣчто среднее между киргизомъ и узбекомъ, а можетъ быть, если вѣрить историческимъ предположеніямъ о происхожденіи кара-калпаковъ отъ печенѣговъ, жившихъ по сосѣдству съ русскими, сохраняютъ нѣкоторую примѣсь и славянской крови. Лицо кара-калпака плоское, носъ широкій, короткій, встрѣчаются нерѣдко носы слегка вздернутые, глаза большіе, темные. Этотъ народъ трудолюбивый, выносливый, но забитый, подавленный неблагопріятными историческими условіями. Подобно киргизамъ, кара-калпаки распадаются на множество родовъ; каждый аулъ состоитъ изъ родственныхъ семействъ, принадлежащихъ къ одному и тому же роду. Кара-калпаки раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Въ

настоящее время кочевники представляютъ незначительное меньшинство; большинство же—осѣдлые обитатели, занимаются земледѣліемъ, но главнымъ образомъ рыболовствомъ. Въ Петро-Александровскѣ мнѣ удалось побывать въ кара-калпакскомъ селеніи, ближайшее изъ которыхъ находится верстахъ въ пяти или шести отъ города. Пріемъ кара-калпачекъ былъ до крайности оригинальный. Едва онѣ замѣтили незнакомыя лица и экипажъ, приближающійся къ селенію, какъ схватили грудныхъ ребятъ и пустились бѣжать безъ оглядки, а слабыя, безсильныя старухи попрятались за кусты у дороги, и я видѣла, какъ дрожали ихъ челюсти отъ паническаго страха. Я думаю, что онѣ просто были напуганы какимъ-нибудь нелѣпымъ слухомъ о цѣли моего посѣщенія. Такъ-ли это или иначе, но нужно было употребить немало усилій, чтобы вернуть ихъ къ покинутымъ жилищамъ. Сакли Петро-Александровскихъ кара-калпаковъ обнесены высокими стѣнами на подобіе узбекскихъ и туркменскихъ, но за этими высокими глиняными стѣнами глазамъ моимъ представилась такая нищета, такая бѣдность, какую я еще не наблюдала, исколесивъ большую половину Туркестанскаго края. За высокими стѣнами не было даже двора, а какія-то клѣтушки, безъ оконъ и безъ дверей. Черезъ обвалившіеся потолки спокойно сіяло солнце, обнажая во всей наготѣ неприглядность жилья кара-калпака. Зимою, спасаясь отъ вьюгъ и морозовъ, кара-калпаки ютятся въ этихъ клѣтушкахъ, прикрывая дырявые потолки кошмами или чѣмъ Богъ послалъ. Въ клѣтушкѣ не было ничего, кромѣ небольшого возвышенія, слѣпленнаго изъ глины на подобіе стола, на которомъ находилась ручная мельница, до крайности примитивнаго устройства. Она состояла изъ двухъ жернововъ, которые приводятся въ движеніе рукой при помощи палки. Въ слѣдующей конуркѣ на полкѣ стояла грязная чашка съ приготовленной, вѣроятно, для обѣда „шурпой“, тутъ же на полу лежали молодые телята, въ углу стояла рамка съ натянутой пряжей для тканья грубой мѣстной бумажной матеріи „маты“, и больше ничего. Сейчасъ же за саклей растилались прекрасныя воздѣланныя и орошенныя пашни. Здѣсь видна была таже тщательность въ обработкѣ земли, какъ и у узбека, но не было довольства и сопряженнаго съ нимъ стремленія не только къ утилизаціи, но и къ удобству, хотя-бы и чисто внѣшнему. Здѣсь не было узбекскихъ прудовъ, обсаженныхъ столѣтними, тѣнистыми карагачами, роскошныхъ фруктовыхъ садовъ. Преобладающими древесными породами были: талъ, тополь, шелковица, посаженные не только для тѣни и, такъ сказать, для глаза, но и съ чисто промышленными цѣлями. На благодатной почвѣ Аму-Дарьинскаго оазиса молодой отростокъ черезъ четыре, пять лѣтъ превращается во взрослое дерево, стоимость котораго, при самыхъ умѣренныхъ цѣнахъ, не менѣе пяти рублей. Старыя деревья у кара-калпаковъ не задерживаются; они ихъ сбываютъ при первой нуждѣ. Среди этой массы сочной, молодой зелени какъ-то конфузливо выглядывали приземистыя, черныя, закоп-

ченныя кибитки—лѣтнее помѣщеніе кара-калпаковъ,—окруженныя мусоромъ и всякою нечистью. Обстановка кибитки каракалпака средняго достатка бѣднѣе даже туркменской и рѣшительно не представляетъ ничего типичнаго или оригинальнаго. На земляномъ полу не было даже кошемъ, а однѣ тростниковыя плетенки. Семьи ихъ очень многочисленны, не менѣе семи-восьми человѣкъ, причемъ рѣзко бросается въ глаза преобладаніе мальчиковъ надъ дѣвочками, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ селеніяхъ, которыя мнѣ удалось посѣтить. На пять, шесть человѣкъ дѣтей одна, двѣ дѣвочки. Женщины всѣ рослыя, хорошо сложены; изъ нихъ насколько безобразны старухи, настолько симпатичны молодыя женщины и дѣвушки. Я встрѣчала между ними такія здоровыя лица, которымъ можно было позавидовать, хотя настоящей красоты, въ смыслѣ правильности чертъ лица и изящности общаго типа и фигуры красивой узбечки или сартянки, я среди кара-калпачекъ не встрѣчала. У нихъ скулы выдаются, и очень рѣдко встрѣчаются правильные, тонкіе носы, хотя глаза у всѣхъ большіе, темные, очень красивой формы. Что касается костюма каракалпачки, особенно головного убора, то онъ своеобразенъ и до крайности оригиналенъ. Обыкновенно онѣ, какъ киргизки, наматываютъ на голову „джаулыкъ“ — чалму, но для выходовъ во всѣ торжественные случаи онѣ надѣваютъ колпаки, извѣстные подъ названіемъ „кимеше-кесте“. Этотъ своеобразный головной нарядъ имѣетъ каждая замужняя кара-калпачка. Шьется онъ слѣдующимъ образомъ. Изъ какой-нибудь матеріи вырѣзывается прямоугольный треугольникъ, среди котораго дѣлается круглое отверстіе, величиною съ лицо взрослаго человѣка. Отверстіе оторачивается коемкой, и всѣ свободныя мѣста вокругъ него зашиваются разноцвѣтными шелками, причемъ шитье совершенно такое, какъ вышиваютъ наши малороссы—мельчайшими крестиками, но узоры этого шитья не имѣютъ ничего общаго съ нашими русскими и малороссійскими. Кто видалъ азіатскіе ковры, тотъ нашелъ бы много общаго съ узорами кара-калпакскихъ вышивокъ. Къ треугольнику двумя сторонами пришивается большой шелковый, бухарскаго производства, платокъ или шерстяной, смотря по состоянію, такимъ образомъ, чтобы уголъ платка приходился къ углу треугольника; свободными концами платокъ ниспадаетъ по спинѣ до самаго подола. Получается нѣчто, напоминающее кавказскій башлыкъ. „Кимеше-кесте“ надѣвается на голову, прикрывая спереди грудь; открытымъ остается только лицо, для котораго и дѣлается отверстіе. Никакихъ другихъ особенностей въ костюмѣ кара-калпачки я не видала. Семейное положеніе каракалпачки нисколько не лучше другихъ восточныхъ женщинъ. Тотъ же произволъ со стороны мужчинъ и тоже рабское подчиненіе родовому началу. Протестъ свой старымъ, отжившимъ магометанскимъ порядкамъ энергичнѣе всѣхъ выражаетъ каракалпачка. Нигдѣ женщины такъ часто не убѣгаютъ отъ своихъ мужей, какъ среди кара-калпаковъ, и нигдѣ женщины и дѣвушки, особенно послѣднія, не прибѣгаютъ такъ часто къ само-

убійству при разрѣшеніи брачныхъ вопросовъ, какъ опять-таки среди тѣхъ же кара-калпаковъ. Единственный способъ, къ которому прибѣгаютъ туземки для самоубійства—это повѣшеніе. Вѣшаются женщины, гдѣ попало—и въ хлѣву, и въ собственномъ жилищѣ,—иногда за отсутствіемъ высокихъ потолковъ, въ сидячемъ положеніи, стараясь не опираться руками объ полъ! Хороша, значитъ, жизнь, если такъ не страшна смерть! Главнымъ промысломъ кара-калпаковъ, особенно живущихъ по дельтѣ Аму-Дарьи, вблизи Аральскаго моря, служитъ рыболовство; земледѣліе же является только подспорьемъ. Рыбачатъ они или самостоятельно, или въ качествѣ наемныхъ рабочихъ у крупныхъ мѣстныхъ рыбопромышленниковъ изъ уральцевъ и туземцевъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, ведется это дѣло слѣдующимъ образомъ. Рыбакамъ кара-калпакамъ рыбопромышленники выдаютъ деньги за годъ впередъ. Когда наступаетъ періодъ лова рыбы, рыбопромышленники берутъ билеты на право промысла и раздаютъ рыбакамъ, снабжая ихъ и матеріаломъ для снастей по своимъ, конечно, цѣнамъ. За все это, по окончаніи лова принимаютъ отъ рыбаковъ рыбу по крайне дешевымъ цѣнамъ. Такъ, напримѣръ, мѣрный шипъ въ 17 верш. длины отъ глаза до хвостового пера, въ періодъ отъ 1 мая до 1 августа принимается за 5 хивинскихъ тенегъ, т. е. до 90 коп.; въ осенній же ловъ съ 1 августа по 1 октября — по 9 хивинскихъ тенегъ, т. е. по 1 р. 60 к., въ то время какъ доставленный въ Петро-Александровскъ, такой мѣрный шипъ стоитъ отъ 3 р. до 3 р. 50 к., а въ Чарджуѣ отъ 5 р. до 7 р. за штуку. Усачи же и всякая другая рыба во всякое время принимается по 20 к. за штуку. Живутъ кара-калпаки крайне нечистоплотно. Среди нихъ болѣе, чѣмъ среди другихъ народностей, распространена проказа, разныя накожныя болѣзни и глазныя. Я видѣла ребятъ полутора и двухлѣтнихъ съ бѣльмами на глазахъ или съ совершенно слипшимися вѣками отъ гнойнаго воспаленія. Кара-калпаки объясняютъ развитіе среди нихъ глазныхъ болѣзней употребленіемъ дыни, но, конечно, тутъ не дыня виновата, а крайняя неряшливость въ связи съ ѣдкой песчаной пылью, которая при малѣйшемъ вѣтрѣ несется изъ глубины пустыни.

А. Е. Россикова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ).

16927

Под. Ин-т ист. [illegible]
Журнальный фонд
57545

1902.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1902.

ПО АМУ-ДАРЬѢ ОТЪ ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКА ДО НУКУСА.

(*Окончаніе* [1]).

III.

Въ Петро-Александровскѣ намъ пришлось потратить немало времени на собираніе свѣдѣній, какими путями удобнѣе всего совершить путешествіе къ Нукусу и дальше къ берегамъ Аральскаго моря. Всѣ свѣдѣнія по этому вопросу сводились къ одному, что единственнымъ удобнымъ, безопаснымъ въ это время года и не требующимъ особенной проволочки во времени путемъ служитъ Аму-Дарья. Сухопутное передвиженіе, хотя и существуетъ, но благодаря іюньскимъ разливамъ, дороги или затоплены, или размыты. Впослѣдствіи мы убѣдились, что и въ болѣе благопріятное время, сухопутныхъ дорогъ, въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать, въ отдѣлѣ не существуетъ. Начальство ѣздитъ очень рѣдко, а если и выпадаетъ такой случай, то не внезапно, а всегда съ предварительными приготовленіями; дороги расчищаются, прокладываются и также быстро исчезаютъ безъ поддержки, когда минуетъ въ нихъ надобность. Что же касается туземнаго населенія, то оно не привыкло къ удобствамъ европейца; для туземца вездѣ дороги, гдѣ можетъ пройти верблюдъ, или его выносливая лошадь. Такимъ образомъ особенной надобности въ дорогахъ не имѣется, а потому не только не прокладываются новыя, болѣе постоянныя дороги, но не поддерживаются и старыя.

Изъ двухъ золъ, говорятъ, нужно выбирать меньшее. Мы такъ и сдѣлали! Наняли легкій, маленькій каюкъ съ четырьмя гребцами, на этотъ разъ безъ всякой клажи, и 9-го іюня утромъ снова поплыли по мутнымъ водамъ Аму-Дарьи. Отъ Петро-Александровска большими, чаще всего совершенно пустынными островами, на протяженіи приблизительно отъ хивинскаго города Ханки, до Ургенча, АмуДарья дѣлится на два протока, изъ которыхъ одинъ, восточный,—меньше и потому называется туземцами

[1]) См. Русскій Вѣстникъ, августъ 1902 г.

Кичкине-Дарья, т. е. Маленькая Дарья. Мы поплыли по этому восточному рукаву, по Кичкине-Дарьѣ. Погода, хотя была по обыкновенію ясная, но на небѣ блуждали тучки, весьма рѣдкіе гости въ этомъ краю, а даль тонула въ какой-то сѣрой, непрозрачной мглѣ. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ безпредѣльна, берега довольно низкіе. Вдали на лѣвомъ берегу виднѣлся хивинскій городъ Ханки съ мечетью въ честь святого Сеидъ-Мурая; раннею весною со всѣхъ концовъ собираются богомольцы на поклоненіе этому святому, рѣжутъ барановъ и пируютъ. Женщины также участвуютъ въ этомъ праздникѣ, но особо отъ мужчинъ; религія не позволяетъ имъ входить въ мечеть, какъ существамъ нечистымъ. Городъ окруженъ тѣнистыми садами; на берегу существуетъ переправа для сообщенія съ правымъ берегомъ. Городъ Ханки находится на большомъ арыкѣ Газиватъ, который идетъ параллельно Палаванъ-арыку и, образовавъ нѣсколько озеръ и болотъ, исчезаетъ на границѣ песчаной степи. Правый берегъ также не высокъ и, подобно лѣвому, тонетъ въ зелени ближайшихъ окрестностей Петро-Александровска; изъ нихъ городъ Шурахане находится верстахъ въ четырехъ или пяти отъ Петро-Александровска, на арыкѣ того же имени. Шураханскій арыкъ распадается на нѣсколько вѣтвей. Одна изъ такихъ вѣтвей направляется въ глубину пустыни, прямо на сѣверъ, черезъ туркменское кочевье къ большому фруктовому саду Культеминаръ. Этотъ садъ считается лучшимъ изъ хивинскихъ садовъ и служитъ единственнымъ мѣстомъ загородныхъ прогулокъ для жителей Петро-Александровска. Садъ Культеминаръ является самымъ крайнимъ населеннымъ пунктомъ въ степи, но Шураханскій арыкъ продолжается дальше, еще верстъ двадцать или двадцать пять, среди безжизненныхъ песковъ пустыни, то разливаясь въ небольшія озерца, то совершенно исчезая подъ барханами песковъ. По теченію его молчаливо возвышаются остатки крѣпостей, постройки обыкновеннаго азіатскаго типа. Высокія крѣпостныя стѣны безъ поддержки разрушаются и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ подъ напоромъ буйныхъ вѣтровъ и летучихъ песковъ совершенно исчезнутъ подъ барханами. Нѣкогда здѣсь находилась хивинская военно-оборонительная линія, въ настоящее время за ненадобностью упраздненная. Въ Шурахане раза два въ недѣлю бываютъ довольно оживленные базары... Еще верстъ десять, пятнадцать по Аму-Дарьѣ—и на правомъ ея берегу снова показалось селеніе. Это уральскій поселокъ Шималъ, возникшій на мѣстѣ бывшей когда-то ватаги рыбопромышленника Черникова. Поселки уральцевъ имѣютъ такой же непривѣтливый, угрюмый видъ, какъ и сами ссыльные поселенцы, точно вмѣстѣ съ ними переживаютъ тоску одиночества заброшенныхъ на чужую, дальнюю сторону. Ни деревца, ни кустика не посадитъ уралецъ подлѣ своей незатѣйливой хаты. Гладко смазанныя глиной стѣны блестятъ, сверкаютъ на солнцѣ, не защищенныя тѣнью дерева отъ палящаго солнца и буйныхъ средне-азіатскихъ вѣтровъ. Аму-Дарья по прежнему течетъ въ широкомъ руслѣ, раздробленномъ большими островами. Нѣкоторые изъ этихъ остро-

вовъ по топкимъ, низменнымъ берегамъ густо поросли камышомъ, а на обсохшихъ возвышенностяхъ салодкой, или „буяномъ", какъ называютъ туземцы эту траву. Не доѣзжая до хивинскаго города Ургенча, Аму-Дарья собираетъ свои воды въ одно русло и версты двѣ, три течетъ однимъ шумнымъ, бурнымъ потокомъ; но у самаго города Ургенча снова распадается на два рукава, причемъ большая часть воды направляется по восточному рукаву; западный же рукавъ превращается въ Малую Дарью, въ Кичкине-Дарью. Здѣсь низменные берега ея мѣстами поросли тугаемъ, изъ нѣдръ котораго долетало чириканье мелкихъ пташекъ и веселая трель соловья, а надъ нимъ—цѣлой тучей носился хищный комаръ, нестерпимо назойливый спутникъ всѣхъ орошенныхъ мѣстъ Аму-Дарьинской долины. Городъ Ургенчъ находится на большомъ арыкѣ Шаватъ, верстахъ въ двухъ отъ рѣки. Издали мы видѣли тѣнистые сады и высокія стѣны узбекскихъ построекъ. Этотъ крупный торговый хивинскій городъ носитъ среди туземцевъ еще другое названіе—Яны-Базаръ. По словамъ очевидцевъ, городъ обнесенъ крѣпостными стѣнами, имѣетъ большой базаръ, много лавокъ и нѣсколько тысячъ постояннаго населенія. Съ правой стороны неширокая полоса тугайной растительности окаймляла обрывки песчаныхъ степей, среди которыхъ виднѣлись группы туркменскихъ кибитокъ. Благодаря арыкамъ Дюртъ-Куль и Бузъ-Ябъ, которые, сливаясь верстахъ въ 35, 40 за Петро-Александровскомъ, до самого города Шейхъ-Абасъ-Али, орошаютъ песчаныя степи; правый берегъ также сохраняетъ признаки жизни, оживляется пышной, богатой растительностью. По всему теченію арыковъ разсѣяны селенія, окруженныя культурными полями. Черезъ эти селенія, параллельно рѣкѣ, пролегаетъ сухопутная дорога къ Нукусу, а городъ Шейхъ-Абасъ-Али является первой станціей этой дороги, отстоящей отъ Петро-Александровска въ 35 верстахъ.

Обратно мы ѣхали сухимъ путемъ, и потому попутно я буду сообщать нѣкоторыя свѣдѣнія и объ этой дорогѣ. Одною изъ достопримѣчательностей города Шейхъ-Абасъ-Али является его высокій минаретъ, который виденъ за много верстъ, съ какой бы стороны ни приходилось подъѣзжать къ городу. По словамъ нашего „дарги", который оказался очень словоохотливымъ парнемъ изъ узбековъ, минаретъ построенъ однимъ изъ жителей, по имени Устикушъ, по слѣдующему поводу. Очень давно въ этомъ городѣ жилъ одинъ праведный, благочестивый человѣкъ, по имени Шейхъ-Абасъ-Али. У него была единственная дочь, замѣчательная красавица. Отецъ не хотѣлъ выдавать ее замужъ, чтобы не разставаться съ единственной любимой дочерью. Въ томъ же городѣ жилъ молодой, богатый узбекъ Устикушъ. Онъ влюбился въ дочь Шейхъ-Абасъ-Али, но, зная, какъ отецъ дорожитъ своей единственной дочерью, не рѣшался просить руки ея. Онъ задумалъ сначала умилостивить отца какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ и рѣшилъ построить мечеть съ такимъ высокимъ минаретомъ, который бы за семь дней плаванія по Аму-Дарьѣ не скрывался изъ глазъ путника. Сосѣди предупреждали Усти-

куша: „Узнаетъ Шейхъ-Абасъ-Али, зачѣмъ ты строишь минаретъ, убьетъ тебя!“ Но Устикушъ никого не слушалъ, и когда мечеть съ минаретомъ были готовы, онъ пошелъ къ Шейхъ-Абасъ-Али и сталъ просить его выдать за него замужъ дочь. „Ты человѣкъ праведный, благочестивый. Я для тебя построилъ мечеть съ минаретомъ до самаго неба. Молись, а мнѣ отдай твою дочь!“ Въ отвѣтъ на эту просьбу Шейхъ-Абасъ-Али такъ разсердился, что если бы Устикушъ не спасся побѣгомъ въ Куня-Ургенчъ, — убилъ бы его.

Мы близко видѣли этотъ минаретъ. Онъ сложенъ изъ камня и жженаго кирпича и представляетъ ту оригинальность, что, несмотря на свою громадную высоту, поставленъ наклонно. Самъ по себѣ городъ не представляетъ ничего интереснаго. Обычныя узбекскія глиняныя постройки за своими высокими стѣнами скрывали всѣ наиболѣе интересныя стороны внутренней жизни туземца. Среди города раскинулось большое, древнее кладбище. Это громадное поле смерти разукрашено самыми разнообразными памятниками, изъ коихъ нѣкоторые, несомнѣнно, имѣютъ за собой большую давность. Къ сожалѣнію, у насъ не было достаточно свободнаго времени, чтобы ознакомиться съ ними поближе, да и обычай туземцевъ хоронить своихъ покойниковъ не въ землѣ, а на поверхности земли, прикрывая тѣло глинянымъ склепомъ, отбивалъ всякую охоту приближаться къ кладбищу.

Около города Шейхъ-Абасъ-Али на Аму-Дарьѣ существуетъ переправа, а къ востоку, по конечнымъ разливамъ арыка,—большое туркменское кочевье. Здѣсь берега и разбросанные по рѣкѣ острова тонутъ въ зелени дикихъ кустарниковъ и культурной растительности. Дарья гораздо мутнѣе, чѣмъ мы видѣли ее раньше, благодаря сучьямъ и разному растительному мусору, который, смывая съ береговъ, она тащила съ собой. Въ этотъ день погода не вполнѣ благопріятствовала намъ. Послѣ полудня поднялся сильный вѣтеръ. Дарья почернѣла, заметалась, точно судорогами передергиваясь отъ волнъ. Для безопасности мы свернули въ протокъ, но такъ какъ вѣтеръ не уменьшался, а все усиливался, мы вынуждены были пристать къ берегу въ протокѣ, защищенномъ небольшими топкими островами, не доѣзжая десяти или пятнадцати верстъ до большого селенія Рахманъ-Берди-Сія или, какъ чаще называютъ его узбеки, Бій-Базаръ, еще далеко до сумерекъ. Прикрѣпивъ каюкъ покрѣпче, чтобы не сорвало его вѣтромъ, всѣ мы разбрелись въ разныя стороны. „Дарга“, захвативъ „санчки“,—багоръ, отошелъ подальше въ сторону, присѣлъ на корточки въ затишьѣ за бугоркомъ и замеръ, не отрывая напряженнаго взгляда отъ рѣки; онъ выслѣживалъ, не плеснетъ ли гдѣ-нибудь рыба, чтобы мѣткимъ ударомъ „санчки“ лишить ее произвольныхъ движеній и способности удалиться отъ берега. Такимъ способомъ онъ поймалъ въ этотъ вечеръ двухъ большихъ сомовъ, себѣ и товарищамъ на ужинъ. Гребцы направились къ тугаю наломать дровъ для приготовленія чая и ужина, а мы—ознакомиться съ мѣстностью и ея обитателями. Оказалось, тугайная полоса всего на нѣсколько

десятковъ саженъ въ ширину обрамляла пустынный, совершенно не населенный въ этомъ мѣстѣ правый берегъ. За нимъ къ сѣверо-западу виднѣлась яркая зелень культурныхъ полей и садовъ, а на востокѣ разстилалась обширная песчаная степь, среди которой одинокой группой выступали кибитки киргизовъ-кочевниковъ. Отъ сильнаго, порывистаго вѣтра песокъ поднимался на воздухъ и застилалъ даль; сквозь сѣроватую дымку на горизонтѣ вырисовывались неясные контуры высокаго, скалистаго хребта, извѣстнаго у туземцевъ подъ общимъ именемъ Султанъ-тау, или Султанъ-Уизъ-Дагъ.

При всемъ желаніи, посѣтить въ этотъ вечеръ киргизское кочевье намъ не удалось. Сильный вѣтеръ и надвигавшіяся сумерки заставили насъ вернуться на каюкъ. Всѣхъ своихъ спутниковъ мы застали за работой. Каюкчи вбивали въ землю высокіе колья для полога изъ грубой бумажной матеріи; безъ полога не можетъ заснуть подъ открытымъ небомъ даже привычный туземецъ; переводчикъ, молодой парень-киргизъ, кипятилъ воду для чая и приготовлялъ ужинъ. Хотя вѣтеръ дулъ съ прежнимъ ожесточеніемъ, но достаточно было укрыться въ затишьѣ, хоть подъ защиту деревьевъ, чтобы съ остервенѣніемъ непримиримыхъ враговъ нападали комары и отравляли всякое существованіе. Волей или неволей приходилось слѣдовать примѣру каюкчей, искать спасенія подъ пологомъ.

Слѣдующее утро хотя было ясное, но вѣтеръ дулъ съ прежнею силою. Пуститься въ плаваніе „дарга“ не рѣшался, совѣтуя лучше переждать до вечера. Конечно, мы не протестовали, тѣмъ болѣе, что намъ рекомендовали въ Петро-Александровскѣ „даргу“, какъ человѣка опытнаго, который не разъ совершалъ рейсы до Нукуса съ пассажирами. Мы рѣшили воспользоваться дневкой и посѣтить кочевниковъ. Оказалось, это были киргизы, не имѣвшіе совсѣмъ осѣдлости. Несмотря на вѣтеръ, солнце жгло нестерпимо. Въ кибиткахъ мы застали однѣхъ женщинъ и дѣтей. Женщины не на шутку переполошились, завидѣвъ приближеніе незнакомыхъ людей, но переводчикъ ободрилъ ихъ и успокоилъ. Мы зашли въ крайнюю кибитку, хозяйкой которой была совсѣмъ еще молодая женщина, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прикрывшая голову „джаулыкомъ“, что киргизки дѣлаютъ на второй годъ послѣ замужества или послѣ перваго ребенка. Очень конфузливо она предложила намъ айрану; мы поблагодарили и попросили показать свою праздничную одежду. Хотѣла ли она отвязаться отъ насъ, или это дѣйствительно было такъ, но одежду свою она отказалась показать намъ безъ разрѣшенія мужа, который кочевалъ съ барантой въ нѣсколькихъ верстахъ отъ стоянки, въ камышовыхъ зарослях. Подлѣ кибитки, подъ навѣсомъ изъ камышовой плетенки, копошилась какая-то старуха, вѣроятно, свекровь молодой женщины. Въ первый разъ за все путешествіе мнѣ случилось наблюдать туземку за стиркой. Для этой цѣли у нихъ имѣется широкая деревянная чашка, наподобіе большого таза. Въ сторонѣ, на открытомъ припекѣ, зарытый до самыхъ краевъ въ песокъ, грѣлся на солнцѣ

котелъ съ водой. Я опустила палецъ: вода была горячая. Сидя на корточкахъ, старуха отжимала груду тряпья, до невозможности грязнаго и заношеннаго. Этимъ дѣломъ киргизки, какъ вообще всѣ туземки, занимаются рѣдко. Бѣлье и платье онѣ не моютъ и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока отъ ветхости оно не свалится съ плечъ...

Въ другой кибиткѣ мы застали дряхлаго старика, отца, невѣстку и многочисленное потомство послѣдней, человѣкъ пять, шесть мелкой дѣтворы, съ черными, облупившимися отъ вѣтра и солнца лицами, едва прикрытые ветхими, дырявыми рубашонками. По приказанію старика, женщина безпрекословно открыла сундукъ и показала свой праздничный нарядъ, обыкновенный туземный халатъ „мишекъ“, изъ дешеваго бухарскаго шелку темно-зеленаго цвѣта съ крупными, тяжелыми застежками на груди, изъ какого-то дешеваго камня, оправленнаго въ серебро; такія застежки встрѣчаются и у кара-калпачекъ. По словамъ старика, на Аму-Дарьѣ они присѣли не надолго, недѣли на двѣ, а затѣмъ, когда начнетъ донимать комаръ, откочуютъ дальше, черезъ пустыню, къ оренбургскимъ степямъ. Что касается зимняго ихъ мѣстопребыванія, то оно неопредѣленно. Въ теплую, безснѣжную зиму киргизы откочевываютъ къ колодцамъ, въ глубину пустыни. Въ холодныя же, снѣжныя зимы передвигаются къ Аму-Дарьѣ и къ Петро-Александровску, вообще поближе къ населеннымъ пунктамъ, причемъ нерѣдко строятъ землянки, въ которыхъ и проводятъ зиму....

Вѣтеръ не переставалъ дуть до самаго вечера. Рѣка по прежнему безпокойно металась, вздымая мелкія волны. Дарга находилъ, что Дарья „яманъ“, что ѣхать опасно. Намъ ничего не оставалось, какъ сидѣть „у моря“ и ждать погоды. Скоро мы убѣдились, что находимся не одни. На противоположной сторонѣ протока, на одномъ изъ острововъ, сквозь густую зелень высокихъ болотныхъ травъ промелькнулъ красный околышъ шапки уральца, откуда-то издалека долетали мужскіе голоса и родная русская рѣчь. . ближе... ближе, и изъ небольшого протока, разъединяющаго топкіе острова, вынырнула бударка съ четырьмя гребцами. Уральцы искали удобнаго мѣста забросить сѣти „ау“. Это имъ стоило немало хлопотъ и труда. Мѣстами рѣка была такъ мелка, что рыбаки спускались въ воду и шли пѣшкомъ, таща за собою лодку. Но вотъ, наконецъ, глубокое мѣсто найдено! Рыбаки закинули сѣти, причалили къ берегу и скрылись среди зелени высокихъ травъ. До насъ глухо долетали ихъ крикливые голоса и изрѣдка веселый смѣхъ молодыхъ ребятъ-подростковъ. Не прошло и часа, какъ на островѣ обнажилась поляна и уральцы снова предстали передъ нашими глазами. Они дружно размахивали косами, трава валилась, все шире и шире обнажая пустынный островъ. Наше присутствіе хотя и было ими замѣчено, но почему-то они долго не выражали ни малѣйшаго желанія узнать, кто мы и почему сидимъ на берегу. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, рослый парень среднихъ лѣтъ, не выдержалъ, сѣлъ на бударку, взмахнулъ веслами и подплылъ къ нашей стоянкѣ. Онъ

подсѣлъ къ группѣ нашихъ гребцовъ и бойко заговорилъ по-киргизски. Скоро, благодаря нашему вмѣшательству, бесѣда перешла на русскій языкъ. Съ серіознымъ изумленіемъ онъ разспрашивалъ, какая неволя занесла насъ въ эти края, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ. Удовлетворивъ вполнѣ естественное любопытство, мы поинтересовались узнать, что ихъ удерживаетъ въ этой дикой странѣ.

— Неволя!—отвѣтилъ онъ,—мы, вѣдь, ссыльные поселенцы!

— Да, но теперь вамъ разрѣшено вернуться на родину!—возразили мы.

Уралецъ горько усмѣхнулся.

— За двадцать-то пять лѣтъ, поди, много воды утекло! Теперь мы и на родинѣ такіе же чужіе, какъ и здѣсь!

Разспросы о причинахъ ссылки не дали никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Уральцы имѣютъ объ этомъ дѣлѣ самое смутное представленіе. По словамъ нашего собесѣдника, дѣло заключалось въ томъ, что начальство задумало яко-бы уничтожить уральское войско, сравнять казаковъ съ мужиками по отбыванію воинской повинности. Они не пожелали подчиниться этому требованію и не дали своихъ подписей на бумагѣ. Вотъ причина ихъ ссылки.—„На нашихъ, значитъ, костяхъ задумали обрусить край!“—не безъ горечи добавилъ нашъ случайный собесѣдникъ. Несмотря на всю нелѣпость подобнаго объясненія, разубѣдить уральца нѣтъ никакой возможности. По сей день они глубоко убѣждены, что несутъ свой тяжелый крестъ во имя спасенія своей отчизны. Всѣ уральцы оказались изъ поселка Шималъ, гдѣ имѣютъ свои хаты, женъ и дѣтей. Пріѣхали ловить рыбу и накосить сѣна.—„Страдальчески живемъ!“—прибавилъ нашъ собесѣдникъ: „Чтобы припасти сѣна для одной коровы, нужно косить цѣлый мѣсяцъ, потому настоящей травы здѣсь нѣтъ, а какая и есть, то вся по водѣ!“ Изъ болотныхъ травъ лучшей кормовой травой считается „урухъ“ (туземное названіе), та самая трава, которую косили уральцы; она нѣжнѣе камыша; „джилымъ“—сѣно изъ нея, послѣ сѣянной травы люцерны, является лучшимъ кормомъ для скота. Главнымъ промысломъ служитъ рыболовство; нѣкоторые, кромѣ рыболовства, занимаются сплавомъ лѣса и ремеслами. Въ общемъ зарабатываютъ около двухсотъ рублей, которые всѣ уходятъ на пропитаніе. „Для насъ здѣсь только вода не покупная!“ жаловался уралецъ.

Прелюбопытны разсказы о томъ, какъ, заброшенные въ эту дикую страну, они постепенно добивались извѣстнаго авторитета и даже вліянія на туземное населеніе. Сначала туземцы относились къ нимъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ къ ссыльнымъ поселенцамъ, и даже при случаѣ нападали на беззащитныхъ и убивали. Уральцамъ приходилось прибѣгать къ различнымъ произвольнымъ мѣрамъ, чтобы внушить туземцамъ должный страхъ и упрочить безопасное существованіе. Для этой цѣли они обряжались въ свои военные казацкіе мундиры, строились по военному въ ряды и подъ начальствомъ своего офицера, съ оружіемъ въ рукахъ, маршемъ проходили черезъ

туземныя селенія, угрожая ошеломленнымъ азіатамъ перестрѣлять ихъ, какъ кошекъ, если они осмѣлятся тронуть хоть одного изъ ихъ сотоварищей. Мало-по-малу туземцы поняли, что съ новыми сосѣдями шутки плохія, и такимъ образомъ установились мирныя отношенія.

Къ ночи вѣтеръ началъ затихать. Въ воздухѣ ужъ не было прежней пыли, горизонтъ расчистился, и передъ нами снова обрисовались извилистые контуры степныхъ великановъ, скалистаго хребта Султанъ-Уизъ-Дагъ. При вечернемъ освѣщеніи и преобладающемъ песчано-пустынномъ характерѣ Аму-Дарьинской долины — эта скалистая горная цѣпь представляла довольно оригинальное и грандіозное зрѣлище! Послѣ продолжительнаго вихря, подъ давленіемъ котораго все живое, слабое и безсильное въ борьбѣ со стихіей какъ-бы притаило дыханіе, забившись по разнымъ норамъ и щелямъ матери-земли, въ природѣ наступило замѣтное оживленіе. Вокругъ насъ, въ зарослях тугая, среди песковъ и непроницаемой зелени болотныхъ травъ, закипѣла жизнь. Комаръ, слѣпень, оводъ тучами носились надъ нами, отравляяя всякое существованіе; то и дѣло выпархивали и быстро пролетали надъ рѣкой стайки дикихъ утокъ, гусей; въ тугаѣ перекликались фазаны. Даже спутники наши: гребцы, дарга и переводчикъ, послѣ дневной апатіи, оживились, усѣлись попарно и стали играть въ „чапту“, нѣчто вродѣ нашихъ шашекъ. Для этой цѣли на землѣ вычерчивается прямоугольный четыреугольникъ, разбивается параллельными линіями на клѣтки и двумя діагоналями на-крестъ. Играющіе вооружаются щепочками или мелкими камешками и извѣстнымъ образомъ передвигаютъ ихъ по клѣткамъ. Несмотря на тучи кровожадныхъ комаровъ, игра велась оживленно и даже азартно до тѣхъ поръ, пока ночная темнота не заставила игроковъ забраться подъ пологъ.

IV.

Слѣдующее утро было совершенно тихое. Не теряя драгоцѣннаго времени, мы снялись съ мѣста чѣмъ свѣтъ, едва солнце успѣло обагрить своимъ красноватымъ свѣтомъ скалистыя вершины горной цѣпи Султанъ-Тау. Мы вышли изъ протока въ главное русло и быстро понеслись по теченію. Мутная Дарья снова собралась въ необозримо широкій, могучій потокъ, шумно струившій свои желтоватыя воды, теряясь вдали за крутыми выступами скалистыхъ отроговъ. Тамъ и сямъ на поверхности ея выступали песчаные, пустынные острова и топкія отмели. Вдоль праваго берега тянулись культурныя пашни, возвышались защитные валы. Слѣва пустынная, песчаная прибрежная равнина вдали также обрамлялась густою зеленью садовъ до самаго большого хивинскаго города Гурлена, на арыкѣ Клычъ-Ніазъ-Бай. Городъ Гурленъ находится верстахъ въ трехъ отъ рѣки и совершенно тонетъ въ густой древесной растительности. Мы держались ближе къ правому берегу, гдѣ, не доѣзжая Гурлена, находится большео узбек-

ское селеніе Рахманъ-Берды-Сія, или Бій-Базаръ, — вторая станція сухопутнаго тракта. Съ Дарьи его почти не видно. Нигдѣ среди туземныхъ построекъ мы не встрѣчали такихъ высокихъ стѣнъ, какъ въ Бій-Базарѣ. Этотъ признакъ зажиточности вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Почти подлѣ каждой сакли можно было встрѣтить большой, глубокій прудъ съ цѣлой рощей карагачей, подъ тѣнь которыхъ не проникалъ ни единый солнечный лучъ. Въ самый знойный полдень на берегу такого пруда усталый путникъ можетъ найти прохладный отдыхъ. Зато нигдѣ насъ такъ не донималъ комаръ, какъ на ночлегѣ въ Бій-Базарѣ. Низменное мѣсто, обиліе влаги и растительности являются самыми благопріятными условіями для размноженія этого назойливаго насѣкомаго въ такомъ количествѣ, что въ разгарѣ лѣта, въ іюлѣ мѣсяцѣ, ни людямъ, ни животнымъ рѣшительно нѣтъ житья, невозможно вздохнуть, чтобы дыханіемъ не втянуть въ ротъ или въ носъ комара!.. Еще верстъ пять-шесть внизъ по теченію, и Дарья снова разбилась на протоки, изъ которыхъ одинъ сильно отклонился къ востоку, образуя большой пустынный островъ. Во время нашего проѣзда обратно изъ Нукуса этотъ громадный островъ былъ весь залитъ водой и превратился въ озеро. Много испытаній намъ стоила переправа черезъ это озеро, особенно въ тяжеломъ каюкѣ съ экипажемъ и лошадьми.

Съ востока къ протоку почти непосредственно примыкаетъ довольно значительная впадина, во всю длину подошвы горной цѣпи Султанъ-Уизъ-Дагъ разсѣченная усохшимъ русломъ нѣкогда довольно значительной рѣки, извѣстной подъ именемъ Акча-Дарья. Акча-Дарья орошала глубину пустыни, давая жизнь многимъ оазисамъ, нынѣ на вѣки исчезнувшимъ. Среди туземцевъ существуютъ воспоминанія о цвѣтущихъ городахъ, многолюдныхъ, богатыхъ селеніяхъ, которыя существовали по теченію этой рѣки или арыка, какъ они называютъ Акча-Дарью. Но въ одинъ прекрасный день изъ глубины пустыни явились полчища какихъ-то неизвѣстныхъ людей, вырѣзали большую половину мирнаго, беззащитнаго населенія и разграбили ихъ имущество. Уцѣлѣвшихъ же отъ этого погрома осталось такъ мало, что они не въ силахъ были поддерживать Акча-Дарью. Рѣка начала пересыхать, остатки населенія вынуждены были побросать земли и выселиться на другія мѣста. Преданіе это вполнѣ подтверждается реальными остатками въ видѣ полуразвалившихся построекъ, разсѣянныхъ по всему теченію усохшей рѣки. Изъ нихъ нѣкоторыя на половину заметены песками, какъ самое русло рѣки, а нѣкоторыя весьма жалкія руины сохранились до настоящаго времени. Къ числу послѣднихъ относится мѣстечко Календаръ-Хане, довольно обширная группа развалинъ, ближайшая къ Аму-Дарьѣ. Болѣе точныя изслѣдованія усохшаго русла Акча-Дарьи приводятъ къ заключенію, что нѣкогда эта рѣка разсѣкала пустыню до самой Сыръ-Дарьи и представляла ничто иное, какъ одинъ изъ рукавовъ Сыръ-Дарьи, который вытекалъ изъ-подъ Перовска и соединялъ Сыръ-Дарью съ Аму-Дарьей. Въ настоящее время воды

Аму-Дарьи сдерживаются отъ истока въ усохшее русло Акча-Дарьи солидной плотиной. Но, несмотря на это, въ 1888 г., благодаря необычайному половодію, Аму-Дарья прорвала плотины и пролила избытокъ водъ, затопивъ не только впадину съ бывшимъ русломъ и на много верстъ пустыню, но и сосѣдніе культурные участки, почти всю Бій-Базарскую волость. Что касается причинъ исчезновенія этой рѣки, то самою главною, несомнѣнно, является общая убыль водъ въ самой Сыръ-Дарьѣ, хотя искусственная поддержка, должно быть, играла не послѣднюю роль въ жизни этой рѣки.

Интересно бы было рѣшить вопросъ, люди-ли исчезли отъ безводія, или рѣка отъ безлюдія? Въ другихъ преданіяхъ туземцевъ, пріуроченныхъ къ сосѣднимъ мѣстностямъ, о которыхъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ, прямо говорится о нашествіи калмыковъ; населенію приходилось вести упорную и энергичную борьбу для защиты себя отъ этихъ кочевниковъ и не всегда одерживать побѣду. Существуютъ историческія указанія, что калмыки не разъ наводняли хивинскій оазисъ и даже достигали нѣкотораго могущества и устанавливали въ ханствѣ свою гегемонію!.. Въ настоящее время жалкія руины, усохшее русло рѣки и безжизненные такыры составляютъ все достояніе нѣкогда цвѣтущихъ оазисовъ по Акча-Дарьѣ.

Мы все ближе и ближе подъѣзжали къ горамъ, которыя далеко не ласкали глаза жизненностью красокъ. Онѣ также были безплодны и однообразны, какъ и сама пустыня. Горная цѣпь Султанъ-Уизъ-Дагъ состоитъ собственно изъ двухъ хребтовъ: сѣвернаго, извѣстнаго подъ именемъ Хектау или Актау, Кара-тау и южнаго—Султанъ-Уизъ-Дагъ. По мнѣнію Каульбарса, эти горныя возвышенности суть ничто иное, какъ продолженіе Нуратинскихъ горъ. Хребетъ Султанъ-Уизъ-Дагъ начинается въ глубинѣ пустыни, вблизи колодцевъ Кукча-Кудукъ и тянется на протяженіи 60 верстъ. Отъ колодцевъ Кукча-Кудукъ горы Султанъ-Уизъ-Дагъ сначала направляются прямо на западъ, но около мѣстечка Калсыдаръ-хане круто сворачиваютъ на сѣверо-западъ и въ такомъ направленіи двумя отрогами подходятъ къ Аму-Дарьѣ и, образовавъ тѣснину Киснякъ, сопровождаютъ ея берега почти до самаго Нукуса. Южный склонъ хребта Султанъ-Уизъ-Дагъ довольно крутой, обрывистый, скалистый, двумя высокими отрогами вдается въ прибрежную долину. Здѣсь, въ прибрежныхъ его частяхъ, находятся самыя высокія его вершины, къ числу которыхъ относится Казанъ-тау. Сѣверный же склонъ пологій и почти незамѣтно сливается съ пустыней Кызылъ-Кумъ.

Еще далеко до Кисняжской тѣснины дарга и гребцы стали обнаруживать видимую тревогу и безпокойство. „Дарга“ напряженно созерцалъ даль, изрѣдка нарушая молчаніе краткими приказаніями. За веслами сидѣли только двое; остальные вооружились шестами и стояли наготовѣ оттолкнуться—въ случаѣ, если-бы теченіемъ начало каюкъ прибивать къ берегу. Даже при двухъ только гребцахъ наша лодка быстро мчалась впередъ, — такъ сильно было теченіе. Мы все время старались держаться средины

рѣки, которая, приближаясь къ горамъ, замѣтно начала суживаться. Два, три зеленыхъ островка сиротливо блуждали среди ея всклокоченной поверхности. Дарья вспѣнилась, почернѣла, снова принимая тотъ угрожающій видъ, который навѣвалъ на насъ невольную робость еще въ тѣснинѣ Дуль-Дулъ-Атъ-Лагатъ.

Вблизи горы Султанъ-Уизъ-Дагъ подавляютъ не столько своей высотой и грандіозностью, сколько полной безжизненностью и пустынностью. Это мертвецы, лишенные всякой жизненной влаги; онѣ почти совершенно безводны и потому весной, лѣтомъ и зимой одинаково голы, безжизненны, лишены совершенно всякой растительности. Ни одна былинка, ни одинъ стебелекъ не проростаетъ на этихъ безводныхъ камняхъ. Даже солнце какъ-то тоскливо скользило по крутымъ, вздутымъ и неровнымъ бокамъ ихъ, точно сознавало все свое безсиліе заронить жизнь среди отжившихъ мертвецовъ. На ярко-зеленомъ фонѣ широкой прибрежной полосы, которой обрамлялись подошвы горнаго хребта до самой Киснякской тѣснины, пустынность этихъ горъ выступала еще рѣзче, еще безотраднѣе. Здѣсь, внизу, у подошвы степныхъ великановъ, ключемъ кипѣла жизнь. Всю низменную, прибрежную долину застилалъ тугай, „бадай“-тугай, какъ называютъ его туземцы, а топкія, сырыя мѣста—поросли камыша и болотныхъ травъ, съ ихъ многочисленными обитателями изъ міра пернатаго, наполнявшими пискомъ и щебетаніемъ всю безмолвную окрестность.

Лѣвый берегъ до самой тѣснины низменный, тонетъ въ зелени культурной растительности. Здѣсь, на хивинскомъ берегу промелькнулъ городъ Китай, съ высокими „дувалами“ туземныхъ построекъ, окруженныхъ садами. Справа, виднѣлись руины какой-то довольно обширной постройки. Это бывшая крѣпость Ямпухъ или Янтыкъ, очень живописно пріютившаяся у самаго подножья хребта, среди густой чащи тугайной растительности. Судя по развалинамъ, нѣкогда крѣпость представляла довольно грандіозное сооруженіе съ сторожевыми башнями и существовала, несомнѣнно, для охраны и защиты Киснякской тѣснины. У входа въ тѣснину, на берегу Аму-Дарьи одиноко возвышалась глиняная постройка третьей станціи сухопутнаго тракта Хектау. Дорога до станціи Хектау очень живописно идетъ горами съ высокими подъемами и крутыми спусками. Хотя станція находится довольно далеко отъ берега, верстахъ въ двухъ, но въ полую воду рѣка подступаетъ къ самымъ стѣнамъ станціонной постройки. Горы между тѣмъ все ближе и ближе подступали къ рѣкѣ, суживая береговую полосу. Онѣ то тянулись сплошной непрерывной стѣной, то какъ-бы распадались на отдѣльныя возвышенности, представляя довольно оригинальный видъ, благодаря всклокоченнымъ, изрытымъ мелкими буграми крутымъ склонамъ. Это—отроги главнаго хребта, нѣкогда непрерывной грядой заполнявшіе современное русло Аму-Дарьи и противоположный лѣвый берегъ. Рѣка прорвала ихъ, образовавъ узкую щель или тѣснину, которая носитъ названіе „Киснякъ“—ворота. Южный изъ этихъ отроговъ съ правой стороны туземцы называютъ „Бочкаръ-тау“, а продолженіе его на лѣвомъ берегу „Югуръ-

тау". Бочкаръ-тау довольно высокъ, скалистой, отвѣсной стѣной обрывается прямо въ рѣку. Югуръ-тау нѣсколько ниже, но тоже совершенно отвѣснымъ обрывомъ возвышается надъ рѣкой. Аму-Дарья съ ревомъ, какъ бѣшеная, устремляется въ щель и зарывается въ тѣсномъ, глубокомъ руслѣ, ширина котораго едва ли достигаетъ въ Киснякской тѣснинѣ даже шестидесяти саженъ. Рѣка бьется, клокочетъ, точно стремится раздвинуть тѣсный каменный мѣшокъ, который создала сама путемъ многовѣковой кропотливой работы. И это ей удается. День за днемъ своимъ бѣшенымъ клокотаніемъ и напоромъ необузданнаго теченія она подтачиваетъ и разрушаетъ самыя твердыя горныя породы. Громадные обвалы — результаты невидимой работы этой неодолимой стихіи. Все дно рѣки, особенно ближе къ берегамъ, завалено обломками скалъ, громадными каменными глыбами, которыя, точно щиты, высовываютъ свои острые края на поверхность рѣки. Нужна сноровка туземца, чтобы при сильномъ теченіи на плоскодонномъ каюкѣ благополучно проскользнуть среди этихъ подводныхъ скалъ.

За первымъ прорывомъ справа рѣка обрамляется горами Хектау, которыя значительно ниже отрога главнаго хребта, покатыми террасами ниспадаютъ къ Дарьѣ. Хребетъ Султанъ-Уизъ-Дагъ непрерывной цѣпью тянется въ глубинѣ паралельно Хектау. Здѣсь, у подножья плоскихъ террасъ, гнѣздятся полуразрушенныя крѣпости покинутыхъ поселковъ, древніе могильники и обширное старое кладбище. Изъ нихъ господствующей руиной являются развалины крѣпости Гяуръ-Кала. Хотя крѣпостныя стѣны на половину уже разрушились, а постройки также сильно повреждены временемъ, но въ общемъ эти развалины до настоящаго времени производятъ впечатлѣніе грознаго укрѣпленія, подъ защитой котораго ютился, вѣроятно, не одинъ десятокъ мирнаго населенія. Обширное кладбище, по словамъ нашего дарги, носитъ названіе „Саламатъ". По типу могильныхъ построекъ они мало чѣмъ отличаются отъ современныхъ. Очевидно, укрѣпленіе покинуто и утратило свое стратегическое значеніе сравнительно недавно, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, со дня русскихъ завоеваній въ Хивѣ.

Про крѣпость Гяуръ-Кала туземцы разсказываютъ слѣдующую легенду.

Очень давно въ городѣ Кипчакѣ жилъ одинъ благочестивый человѣкъ по имени Шишъ-Пайгамбаръ. У него была красивая жена. Въ нее влюбился молодой, красивый, богатый человѣкъ по имени Гяуръ. Она ему сочувствовала, но влюбленные не имѣли возможности видѣться. Гяуръ задумался и рѣшилъ по-близости въ горахъ построить крѣпость, съ подземнымъ ходомъ къ саклѣ своей возлюбленной. Крѣпость была выстроена, и влюбленные стали посѣщать другъ друга. Долго-ли, коротко-ли продолжались ихъ свиданія, но въ одинъ прекрасный день узналъ объ этомъ мужъ и засталъ ихъ вмѣстѣ на свиданіи. Онъ страшно разсердился, бросился на Гяура и хотѣлъ убить его, но Гяуръ былъ молодой и сильный. Между ними началась борьба. Однако, какъ ни былъ силенъ Гяуръ,

но одолѣть благочестиваго мужа ему не удавалось. Онъ страшно усталъ и съ мольбой о помощи взглянулъ на свою возлюбленную. Та поняла его просьбу, взяла горсть проса и подсыпала подъ ноги мужа; тотъ поскользнулся и присѣлъ на колѣни, но не растерялся. Убѣдившись, что жена помогаетъ любовнику, онъ позвалъ свою любимую собаку. Собака бросилась на Гяура и схватила зубами его за ногу. Гяуръ упалъ и былъ убитъ. Покончивъ съ Гяуромъ, Шишъ-Пайгамбаръ обратился къ своей невѣрной женѣ и сказалъ: „учись у собаки помогать хозяину!“ Онъ думалъ, что жена раскается, но она, какъ ни въ чемъ не бывало, ушла въ свою саклю. Шишъ-Пайгамбаръ разсердился, убилъ и жену. Когда онъ умиралъ, то завѣщалъ своимъ дѣтямъ похоронить только его туловище. Ноги же отрѣзать и выбросить. Дѣти такъ и сдѣлали: туловище похоронили, а ноги отрѣзали и выбросили.

Лѣвый берегъ Аму-Дарьи также понижается до уровня обыкновенныхъ холмовъ, совершенно голыхъ, безжизненныхъ. За крѣпостью Гяуръ-кала вторымъ своимъ отрогомъ хребетъ Султанъ-Уизъ-Дагъ снова подходитъ къ самой Дарьѣ и узкимъ прорывомъ отдѣляется отъ своего продолженія на лѣвомъ берегу. Въ этомъ отрогѣ находится самая высокая вершина хребта Казанъ-Тау, по имени которой и весь отрогъ съ правой стороны называется Казанъ-Тау. Съ лѣвой стороны соотвѣтствующая возвышенность носитъ названіе Джумуръ-Тау. Высоты Джумуръ-Тау, особенно по сравненію съ Казанъ-Тау, значительно ниже, склоны пологи, вершина плоская и широкая. Въ тѣснинѣ Джумуръ-Тау выклинивается пологимъ холмистымъ мысомъ, въ то время, какъ Казанъ-Тау вздымается отвѣсной скалистой стѣной и производитъ впечатлѣніе настоящей степной средне-азіатской горы, совершенно голой, безжизненной на всемъ своемъ протяженіи. Дарья продолжаетъ струиться въ узкомъ, тѣсномъ руслѣ. Ни единаго островка или обычной мели глазъ не встрѣчаетъ среди ея мутной и бурной поверхности, взволнованной постояннымъ сквознымъ, пронзительнымъ вѣтромъ.

Слѣва, у подошвы Джумуръ-тау, на голомъ открытомъ припекѣ, возвышается мазаръ и обширное кладбище съ полуразвалившимися могильными постройками. Туземцы называютъ это кладбище „Уразумбетъ“ и чтутъ, какъ священное мѣсто. Образованіе Киснякской тѣснины они объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Горы Джумуръ-Тау и Казанъ-Тау задумали вести войну и стали наступать другъ на друга. Узналъ объ этомъ Богъ, раздѣлилъ горы воротами и поселилъ Дарью. Война не состоялась и по сей день. Ни одинъ изъ степныхъ великановъ не можетъ одолѣть общаго врага—бурную Дарью. Оттого узкій проходъ и получилъ свое названіе Киснякъ,—ворота. Киснякская тѣснина совершенно необитаема, если не считать временныхъ кибитокъ кочевниковъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ по плоскимъ склонамъ Джумуръ-Тау.

По выходѣ изъ Киснякской тѣснины Дарья распадается на нѣсколько мелкихъ рукавовъ, раздѣленныхъ песчаными островами. Слѣва вдали тонетъ въ зелени садовъ большой Хивинскій

городъ Мангытъ. На смѣну высокаго отрога Казанъ-Тау, справа снова выступили пологіе увалы Хектау. Отсюда открывается очаровательный видъ вверхъ на Дарью. Она представляется какимъ-то волшебнымъ озеромъ съ сверкающей, зеркальной поверхностью, замкнутымъ съ юга угрюмыми склонами величественнаго степного гиганта Казанъ-Тау, у подножья котораго, какъ-бы на самой водѣ, выдвигаются массивныя руины Гяуръ-Кала. Въ общемъ Киснякская тѣснина производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Дуль-Дулъ-Атъ-Лагатъ. Обрамляющія ее высоты грандіознѣе и имѣютъ видъ настоящихъ скалистыхъ горъ. Самая щель уже и гораздо длиннѣе, хотя рѣка не такъ удручаетъ своимъ бѣшенымъ видомъ, можетъ быть, потому, что расходъ на искусственное орошеніе значительно уменьшаетъ количество ея водъ...

Лѣвый берегъ совершенно низменный, тонетъ въ зелени культурной растительности, изрѣзанъ цѣлою сѣтью арыковъ, по берегамъ которыхъ разбросаны селенія: Кармышъ-Аулъ съ развалиной крѣпости, Астынъ-Кала и др., мелькали высокіе замки кара-калпакскихъ построекъ. Особенно живописно селеніе Дженгелы-кала, пріютившееся на одномъ изъ прибрежныхъ острововъ, окруженное цѣлымъ лѣсомъ тѣнистыхъ фруктовыхъ садовъ. Не сдерживаемая никакими естественными преградами, въ каждую полую воду Дарья затопляетъ лѣвый берегъ на нѣсколько верстъ.

Послѣ труднаго перехода черезъ Киснякскую тѣснину каюкчи наши впали въ какое-то полудремотное состояніе. Вопреки своему назначенію постоянно глядѣть впередъ, дарга сидѣлъ спиной къ носу и, повидимому, совершенно забылъ о своихъ обязанностяхъ. Круглая чашка съ чаемъ то и дѣло обходила круговую. Неожиданное появленіе каюка, нагруженнаго какими-то тюками, на мгновеніе внесло оживленіе. Каюкъ направлялся вверхъ. Пять человѣкъ туземцевъ, по колѣна утопая въ водѣ, тянули его бичевой вдоль низменнаго лѣваго берега. Завязалась оживленная бесѣда, въ которой принимали участіе всѣ разомъ и, кажется, понимали другъ друга. За селеніемъ Дженгелы-Кала по самому берегу виднѣлась масса заготовленнаго лѣса. Туземцы въ своихъ мохнатыхъ, барашковыхъ шапкахъ дѣятельно сбивали новые каюки и чинили старые. Очевидно, здѣсь находилась каючная верфь, гдѣ заготовлялось и исправлялось это туземное судно. Чѣмъ дальше мы удалялись отъ Киснякской тѣснины, тѣмъ высоты праваго берега все болѣе и болѣе теряли характеръ горъ; онѣ постепенно понижались въ холмообразныя возвышенности, нерѣдко прерываемыя глубокими ложбинами. Пустынный, безотрадный видъ ихъ мѣстами оживлялся небольшими зарослями „тюя-табана“ (верблюжьей лапы), полыни и другими степными травами, такими же сѣрыми, безцвѣтными, какъ и сами горы.

Вдругъ среди вообще невысокихъ холмовъ на горизонтѣ обрисовался громадный, круглый, какъ шапка, бугоръ съ плоской вершиной, на подобіе Учъ-Учакскихъ бугровъ. „Чалпыкъ!“— проговорилъ дарга. Бугоръ дѣйствительно носитъ это названіе

и, благодаря своему положенію у самаго крутого поворота рѣки на западъ, верстъ на десять вверхъ и внизъ прекрасно виднѣлся съ Дарьи. Подобные бугры въ видѣ отдѣльныхъ сопокъ или цѣлыми группами не разъ выступаютъ и ниже среди возвышенностей праваго берега, точно послѣдніе глубокіе вздохи нисходящихъ на нѣтъ степныхъ великановъ.

Солнце не грѣло, а прямо палило. Въ воздухѣ чувствовалась страшная духота. На небѣ блуждали темныя тучи, но никто изъ насъ не придалъ этому никакого значенія. Мы рады были хоть немного укрыться отъ нестерпимаго зноя и съ удовольствіемъ пристали къ берегу у хивинскаго города Кипчака. Кипчакъ единственный городъ по всему теченію Аму-Дарьи, расположенный у самаго берега. Громадными валами онъ защищенъ отъ наводненія, но рѣдкая прибыль воды проходитъ для него благополучно. Кипчакъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ хивинскихъ городовъ, вмѣстѣ съ Куня-Ургенчемъ существовавшій еще во времена древняго Хаварезма. По свидѣтельству древнихъ писателей, существованіе его восходитъ до V вѣка. Древніе писатели упоминаютъ о Кипчакѣ, какъ о священномъ городѣ, куда стекался магометанскій міръ для молитвъ и поклоненій. Вѣроятно, это значеніе онъ сохранилъ и по настоящее время. По своему строю Кипчакъ типичный средне-азіатскій городъ. Насъ онъ поразилъ и изумилъ. Съ вершины защитнаго вала передъ нами открылась обширная впадина, тѣсно застроенная туземными постройками обыкновеннаго типа съ плоскими крышами, которыя амфитеатромъ спускались по склонамъ холма и тѣсно жались другъ къ другу вокругъ громадной площади, низменная часть которой представляла болото съ буро-зеленой тухлой водой, еще не успѣвшей испариться послѣ наводненія, а болѣе возвышенная—обширное кладбище съ древними и современными могильными постройками. Чтобы вообразить себѣ, какимъ воздухомъ дышатъ эти темные, невѣжественные люди, нужно не забывать, что туземцы не роютъ могилъ для своихъ покойниковъ, а кладутъ трупы на поверхность земли и прикрываютъ тонкимъ глинянымъ склепомъ. Только при самой тщательной поддержкѣ склепы переживаютъ разложеніе труповъ. Но туземцы глубоко вѣрятъ въ тѣсную связь живыхъ съ умершими и не смущаются близкимъ сосѣдствомъ покойниковъ. Среди могилъ зіяли круглыя закопченныя печи, предназначенныя спеціально для выпеканія хлѣбовъ. Одна старуха, сидя на корточкахъ подлѣ праха своего родителя или прародителя, преспокойно вымѣшивала тѣсто, раздѣлывала на плоскія, круглыя лепешки и, перегнувшись всѣмъ корпусомъ, налѣпляла ихъ къ стѣнкамъ нагрѣтой печи, которая была тутъ-же, у изголовья современнаго или древняго праха. Улицы древняго города кривыя, узкія и до невозможности грязныя, сакли тѣсныя и темныя; населеніе смѣшанное, но господствующимъ являются узбеки, хотя немало живетъ кара-калпаковъ, киргизовъ и даже евреевъ. Въ городѣ существуетъ довольно большой базаръ обыкновеннаго средне-азіатскаго типа, въ видѣ темной, крытой улицы съ рядами лавокъ,

гдѣ сидятъ въ неподвижныхъ позахъ торговцы-узбеки или сарты съ блѣдными, поблекшими лицами, и толпятся покупатели. Женщины ходятъ съ открытыми лицами, по крайней мѣрѣ вблизи своихъ домовъ; у всѣха узбечекъ въ носу продѣта большая, круглая серьга...

Съ тяжелымъ, угнетеннымъ чувствомъ покинули мы этотъ древній хивинскій городъ. Сейчасъ-же за Кипчакомъ, среди довольно возвышенной ложбины, на правомъ берегу находится станція сухопутнаго тракта Ходжа-Куль съ большимъ озеромъ того же имени. Мѣстечко очень живописное, благодаря озеру оживлено растительностью. Существованіе озера Ходжа-Куль тѣсно связано съ разливами рѣки, какъ вообще всѣхъ прибрежныхъ озеръ Аму-Дарьинской долины. Когда взглянешь, на какой высотѣ сравнительно съ постояннымъ уровнемъ Аму-Дарьи разсѣяны эти озера, только тогда можно составить нѣкоторое представленіе, до какой высоты поднимаются воды этой буйной рѣки во время наводненія. Станціи Ходжа-Куль съ Дарьи не видно, но зато у самой подошвы бугра, за которымъ прячется озеро и станціонная постройка, на правомъ берегу Аму-Дарьи, очень живописно пріютилось обширное зданіе, обнесенное высокими стѣнами съ массивными колоннами. Зданіе выдвигается совершенно неожиданно и поражаетъ своимъ опрятнымъ видомъ, точно оно только-что выстроено или подновлено. Это медрессе, построенное въ честь высоко чтимаго туземцами святого Амета, Аметъ-Медрессе, гдѣ погребенъ прахъ этого святого. Къ медрессе примыкаетъ большое кладбище Ходжа-Ніазъ-Бей. Для кого существуетъ въ настоящее время это медрессе, неизвѣстно, такъ какъ берегъ совершенно не населенъ; судя по кладбищу, нѣкогда, вѣроятно, здѣсь существовало большое селеніе. Среди пустыннаго берега эта группа полуразрушенныхъ могильныхъ построекъ съ обширнымъ зданіемъ Аметъ-Медрессе производитъ сильное впечатлѣніе какого-то сказочнаго замка среди могилъ.

Отъ созерцанія живописнаго мѣстечка мы были пробуждены сильнымъ вѣтромъ, который неожиданно цѣлой волной хлынулъ съ запада. Когда мы взглянули на западъ, то всѣ, какъ одинъ человѣкъ, обомлѣли отъ ужаса. „Шурганъ!.. Шурганъ!“ — нечеловѣческимъ голосомъ крикнули каюкчи, растерянно зашлепали веслами, но было уже поздно! Черная громадная туча съ облакомъ пыли, подхваченная ураганомъ, съ невѣроятной быстротой неслась съ запада прямо къ рѣкѣ, на насъ. Мы не успѣли опомниться, какъ вся рѣка, всѣ окрестности затонули во мглѣ. Нашъ каюкъ очутился на срединѣ рѣки, среди громадныхъ пѣнистыхъ волнъ, которыми подбрасывало его, какъ щепку. Не растеряться, не придти въ ужасъ, особенно людямъ, незнакомымъ со всѣми причудами рѣки, было невозможно,—такъ неожиданно мы очутились на краю гибели! Дарга съ выпученными отъ ужаса глазами шепталъ молитву, безъ всякаго смысла ворочая рулемъ, гребцы побросали весла и подняли плачъ; переводчикъ сталъ снимать халатъ, чтобы броситься вплавь. Вѣтромъ сорвало съ ихъ головъ мохнатыя шапки; они ломали руки и выли вслухъ, какъ

дикіе звѣри... Единственный человѣкъ, не потерявшій самообладанія, былъ мужъ мой, К. Н. Россиковъ, которому мы собственно и обязаны своимъ спасеніемъ. Въ эту тяжелую минуту онъ взялъ на себя роль распорядителя, заставилъ обезумѣвшихъ отъ страха людей бороться со стихіей до послѣдней возможности. Подъ его командой „дарга“ пришелъ въ себя и сталъ болѣе толково управлять рулемъ, гребцы устроили изъ брезента парусъ, а переводчикъ дѣятельно занялся вычерпываніемъ воды изъ лодки. Вещи наши затонули въ водѣ, которой все выше и выше заплескивалось дно каюка; однако онъ былъ такъ легокъ, что затонуть не могъ, хотя каждую минуту можно было ожидать, что подъ напоромъ волнъ онъ опрокинется, и всѣ мы безъ вопля о помощи пойдемъ ко дну.

Два съ половиною часа бились мы среди разъяренной рѣки, стараясь выбраться изъ главнаго теченія, но ничего не могли сдѣлать. Когда стала надвигаться темная, безпросвѣтная ночь, мы потеряли всякую надежду на спасеніе и бросили въ рѣку бутылку съ запиской о нашей гибели. Но вдругъ вѣтеръ перемѣнилъ направленіе. Гигантскія волны, набѣгая на каюкъ, захлестнули его окончательно. Легкія вещи всплыли и, подхваченныя теченіемъ, исчезли среди разъяренной рѣки. Въ одинъ моментъ каюкъ вынесло изъ главнаго теченія и съ такою силою прибило къ топкому берегу, что мы не вышли, а вывалились на небольшой песчаный островъ, отдѣленный отъ берега протокомъ саженъ въ десять шириной. Большая часть вещей (и среди нихъ весьма важная коллекція насѣкомыхъ) погибли.

Почувствовавъ подъ ногами землю, мы съ облегченіемъ вздохнули, хотя толкомъ еще не могли ориентироваться, гдѣ мы, куда прибила насъ коварная рѣка, очевидно, не пожелавшая губить странниковъ, такъ довѣрчиво вручившихъ свою судьбу на произволъ ея капризамъ. Буря продолжала бушевать. Сквозь мглу, облако пыли и вечерніе сумерки мы едва различали контуры ближайшаго берега. Оставаться на открытомъ островѣ, ничѣмъ не защищенномъ отъ вѣтра и мрачной, какъ смерть, разъяренной рѣки было не безопасно. Буря могла къ полуночи разыграться еще больше и волнами затопить островъ. Гребцы перетащили каюкъ въ протокъ. Онъ оказался неглубокимъ. Мы благополучно перебрались на берегъ, гдѣ уныло скрипѣлъ и трещалъ густой, тѣнистый лѣсъ-тугай. Подъ защитой деревьевъ скоро запылалъ костеръ, и мы кое-какъ обсушились послѣ двухчасовой ванны на каюкѣ и обогрѣлись; къ ночи температура упала настолько, что промокшіе до костей, мы дрожали отъ холода. Наконецъ, начали приводить въ извѣстность наличное количество вещей. Оказалось, изъ всего запаса провизіи уцѣлѣла на днѣ каюка баранина, купленная нами въ Кипчакѣ, и маленькая корзинка съ расходнымъ запасомъ чая и сахару. Всѣ остальные продовольственные запасы вмѣстѣ съ коллекціями, фотографическимъ аппаратомъ и другими мелкими вещами, погибли на днѣ рѣки. Такимъ образомъ намъ предстояла довольно невеселая перспектива промышлять на-

счетъ природныхъ даровъ и благъ. Хотя положеніе наше относительно рѣки было совершенно безопасно, но въ эту роковую ночь намъ не пришлось сомкнуть глазъ до самаго разсвѣта. Не прошло и часу послѣ нашего водворенія на берегъ, какъ среди мглы, на рѣкѣ, обрисовалась какая-то черная масса, которую силою вѣтра гнало въ нашу сторону, къ тому же острову, гдѣ мы обрѣли спасеніе. По очертанію чудовища, особенно, когда его прибило къ острову, можно было догадаться, что это большой, грузовой каюкъ, можетъ быть, тотъ самый, который мы встрѣтили по пути къ Кипчаку. Но гдѣ же дѣвались люди?.. Ни единаго человѣческаго звука не долетало съ каюка. Можетъ быть, люди остались на берегу, а каюкъ оторвало вѣтромъ и унесло обратно по теченію? Рѣшить этотъ вопросъ было настолько интересно, что мы приказали каюкчамъ кричать, чтобы дать знать, что на берегу есть люди. Къ величайшему нашему изумленію, едва каюкъ прибило къ острову, наши гребцы моментально загасили костеръ и какъ-то странно притихли. Переводчикъ объяснилъ, намъ, что въ такую страшную бурю разбойники изъ туркменъ имѣютъ привычку рыскать по берегамъ и грабить пострадавшихъ. Людей они преспокойно убиваютъ, а имущество грабятъ. „Кто изъ насъ знаетъ, что это за каюкъ и какіе на немъ люди?“ добавилъ онъ внушительно. Намъ ничего не оставалось, какъ, притаивъ дыханіе, ожидать, что будетъ дальше.

Однако, опасенія были напрасны. Простоявъ нѣсколько часовъ, каюкъ также безмолвно отошелъ отъ острова, какъ и присталъ, и затонулъ гдѣ-то въ ночной темнотѣ. Мы уже собирались заснуть на свѣжихъ вѣтвяхъ тала въ каюкѣ, какъ вдругъ изъ тугая стали долетать какіе-то странные звуки... ближе... ближе, и вмѣстѣ съ свистомъ вѣтра огласили окрестность. Это не былъ дѣтскій плачъ шакала, дикій вой волка но что-то странное, какіе-то совершенно незнакомые звуки, До нашего уха долеталъ дикій, протяжный стонъ, прерываемый. отчаяннымъ завываніемъ слабаго, беззащитнаго звѣря, который, взывая о помощи, какъ-бы предупреждалъ все живое бѣжать, прятаться отъ неминуемой бѣды, отъ угрожающей опасности. Непонятный крикъ взволновалъ не насъ только. Каюкчи также проснулись. Безшумно, одинъ по одному, они перебрались съ берега на каюкъ и шопотомъ предупредили насъ, что кричитъ „кара-гулакъ“: значитъ, гдѣ-нибудь по близости бродитъ тигръ, можетъ быть, пробирается къ рѣкѣ на водопой. На всякій случай были заряжены ружья, хотя, по увѣренію туземцевъ, самое лучшее средство—лежать неподвижно. Соннаго человѣка, по ихъ наблюденіямъ, „джулъ-барсъ“ — тигръ—никогда не трогаетъ. Однако, притаивъ дыханіе, мы стали ожидать повторенія крика, чтобы имѣть представленіе, съ какой стороны надвигается опасность. Вѣтеръ бушевалъ по прежнему. Вокругъ не видно было ни зги. Песокъ засыпалъ глаза, лѣзъ въ ротъ, въ носъ, скрипѣлъ на зубахъ. Подъ несмолкаемый акомпаниментъ глухого рева рѣки жалобно скрипѣли деревья, точно просили у вѣтра пощады, откуда-то изъ глу-

бины тугая долеталъ хрустъ и трескъ надломленныхъ сухихъ вѣтвей...

Но вдругъ сквозь весь этотъ шумъ, сначала робко, затѣмъ все громче и громче, снова прокралась тоскливая нотка крика животнаго, и громкій, пронзительный вой огласилъ воздухъ, но уже не изъ глубины тугая, а по рѣкѣ, точно звѣрь находился у самой рѣки, гдѣ-то ниже нашей стоянки. Третій крикъ глухо, едва слышно долетѣлъ до насъ почти передъ самымъ разсвѣтомъ и больше уже не повторялся...

Утро было ясное. Какъ ни въ чемъ не бывало, загорѣлось солнце, хотя вѣтеръ продолжалъ будоражить рѣку. Намъ снова пришлось сидѣть на берегу и ждать погоды, но съ меньшими удобствами. Нужно было промышлять насчетъ продовольствія. Скоро мы убѣдились, что ночная тревога была не напрасна. Оказалось, тигръ дѣйствительно бродилъ въ эту ночь по рѣкѣ; можетъ быть его, какъ пиратовъ, привлекала въ эту бурную ночь легкость поживы или запахъ труповъ. Недалеко отъ нашей стоянки, саженяхъ въ пятидесяти, на пескѣ виднѣлись свѣжіе слѣды его лапъ. Каюкъ, напугавшій насъ ночью, также былъ неподалеку; верстахъ въ трехъ отъ острова онъ засѣлъ на мели. На немъ оказалось цѣлыхъ шесть человѣкъ туземцевъ. Несомнѣнно, изъ боязни наткнуться на пиратовъ, они старались не подавать голоса о своемъ существованіи. Цѣлый день несчастные выбивались изъ силъ, стараясь столкнуться съ мели, но ничего не могли подѣлать; тяжело нагруженный каюкъ глубоко засѣлъ на мели. Вечеромъ они покинули каюкъ и, держась другъ за друга, частью бродомъ, частью вплавь перешли на берегъ.

V.

На слѣдующій день вѣтеръ слегка стихъ и мы поплыли дальше. Оглядѣвшись при дневномъ свѣтѣ, гдѣ мы, и взвѣсивъ всѣ неблагопріятныя условія нашей борьбы съ бурной рѣкой, мы поняли, какой удивительный, почти невѣроятный случай представляло наше спасеніе. Буря застигла насъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ, среди Кипчакскихъ пороговъ, гдѣ и въ тихую погоду теченіе необыкновенно быстро и неправильно. Нужна большая осторожность, чтобы не наткнуться на подводные камни. Но что всего удивительнѣе, дарга, котораго рекомендовала намъ администрація, какъ опытнаго человѣка, до Нукуса ѣздилъ всего разъ, и то гребцомъ, а не самостоятельнымъ руководителемъ каюка. О кипчакскихъ порогахъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Самъ себя опытнымъ даргой никогда не называлъ, а поѣхалъ за даргу потому, что ему было приказано ѣхать. Такимъ-то людямъ нерѣдко приходится вручать свою судьбу во время путешествія!..

Едва мы успѣли отъѣхать нѣсколько верстъ отъ Кипчакскихъ пороговъ, какъ позади насъ снова во всемъ своемъ великолѣпіи обрисовался бугоръ Чалпыкъ. Оказалось, мѣстомъ нашего спасенія было подножье этого бугра. Аму-Дарья въ этомъ мѣстѣ дро-

бится, образуя цѣлый рядъ острововъ, густо закрытыхъ зеленью древесной растительности; издали тугайныя поросли острововъ какъ-бы оторачиваютъ подножье голаго, безжизненнаго бугра. На обратномъ пути изъ Нукуса намъ удалось побывать на вершинѣ этого высокаго бугра. Съ восточнаго крутого, высокаго склона его, открывается богатѣйшій видъ на Аму-Дарьинскую долину. Прорѣзанная извилистой лентой многоводной рѣки и цѣлой сѣтью рукавовъ и арыковъ, обильно орошенная и прекрасно воздѣланная, съ высоты Чалпыка она представляется однимъ сплошнымъ садомъ, какимъ-то роскошнымъ эдемомъ, особенно въ сосѣдствѣ съ безводной, безлюдной пустыней. Плоская вершина бугра обнесена толстой, глиняной, крѣпостной стѣной, а на южномъ склонѣ—торчитъ какая-то безформенная глиняная глыба, вѣроятно, развалина башни. Туземцы разсказываютъ, что строителемъ этой крѣпости былъ богатырь, по имени Чалпыкъ, сильнѣе котораго не было человѣка на свѣтѣ. Когда онъ складывалъ крѣпостныя стѣны, то ронялъ глину, и изъ этихъ кусковъ образовалась высокая башня, развалины которой сохранились и понынѣ на склонѣ бугра. Бугоръ Чалпыкъ представляетъ, несомнѣнно, продолженіе скалистой цѣпи горъ Хектау и только сверху занесенъ на нѣсколько футовъ пескомъ. Плоская вершина его, скрытая внутри крѣпостныхъ стѣнъ, скалистая. Всѣ скалы исчерчены арабесками, письменами, какими-то іероглифами и непонятными чертежами. Мы были на бугрѣ въ праздничный день, когда на эту гору собирается окрестное населеніе на поклоненіе великому богатырю. Человѣкъ сорокъ туземцевъ, молодыхъ и пожилыхъ, мущинъ, женщинъ и дѣвушекъ, въ праздничныхъ яркихъ костюмахъ, подъѣхали на каюкѣ изъ Кипчака и гуськомъ, одинъ за другимъ, благоговѣйно нашептывая молитвы, поднялись на вершину бугра. Оставались они на вершинѣ очень недолго и въ такомъ же порядкѣ, гуськомъ, стали спускаться внизъ. Около глиняной развалины каждый изъ богомольцевъ останавливался, опускалъ руку въ карманъ, а затѣмъ въ одно изъ многочисленныхъ отверстій, продѣланныхъ въ развалинѣ птицами и разными подземными обитателями. Клали ли они деньги, или исполняли формальный обрядъ, неизвѣстно; любопытство въ этомъ отношеніи могло вызвать весьма непріятныя послѣдствія.

Говорятъ, что недалеко отъ Чалпыка существуетъ пещера, въ которой живетъ „ишанъ“ — святой человѣкъ. Къ нему собирается масса богомольцовъ, поклонниковъ, особенно женщинъ, преимущественно бездѣтныхъ, и дѣвушекъ, жаждущихъ замужества. Подъ звуки туземнаго инструмента, рода нашей трехструнной балалайки, ишанъ распѣваетъ священные гимны, дѣвушкамъ предсказываетъ ихъ будущую судьбу, а женщинъ излѣчиваетъ отъ безплодія.

У подошвы „Чалпыка“, среди песчаной степи, залегаетъ довольно большое озеро „Чамышъ-Куль“, что значитъ синяя вода. Небольшія поросли болотныхъ травъ окаймляютъ озеро, представляя единственное отрадное пятно. Среди незначительныхъ холмовъ, на всемъ пути обрамляющихъ правый берегъ, на гори-

зонтѣ снова обрисовались высокіе бугры „Кошъ-Тюбе“. Около бугровъ Кошъ-Тюбе Аму-Дарья поворачиваетъ на западъ и въ такомъ направленіи течетъ нѣсколько верстъ. Она струится въ одномъ руслѣ, сильно углубленномъ. Цѣлая группа песчаныхъ острововъ выступаетъ среди ея поверхности. Лѣвый берегъ низменный, пустынный. Возвышенности праваго берега очень живописно окаймлены тугаемъ. Кошъ-Тюбе выступаетъ цѣлой группой высокихъ, но совершенно голыхъ, безжизненныхъ бугровъ. У подошвы этихъ бугровъ находится упраздненная хивинская крѣпость Назаръ-ханъ. Судя по массѣ развалинъ, это укрѣпленіе нѣкогда было густо населено и представляло сильную крѣпость. Въ настоящее время крѣпость превращена въ станцію для проѣзжающихъ сухопутнымъ трактомъ. Крѣпость стоитъ на протокѣ Дарьи; у подошвы бугровъ Кошъ-Тюбе протокъ разливается въ нѣсколько довольно большихъ озеръ. Одно изъ этихъ озеръ, самое большое, находится близъ станціи и по имени бугровъ называется Кошъ-Тюбе. Благодаря присутствію влаги, все подножье Кошъ-Тюбе съ бывшимъ укрѣпленіемъ тонетъ въ зелени болотныхъ травъ и древесной растительности, среди которой возвышается нѣсколько тополей. Противъ Кошъ-Тюбе, на лѣвомъ берегу, также выступаетъ большой глинисто-песчаный бугоръ и высокимъ обрывистымъ мысомъ вдается въ рѣку. Называется бугоръ Джиланъ-Кыръ—Змѣиный бугоръ. На голомъ, открытомъ склонѣ его находится мазаръ и большое древнее кладбище, съ цѣлымъ рядомъ могильниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже превратились въ жалкія руины, но нѣкоторые довольно хорошо сохранились и представляютъ очень оригинальную постройку, съ круглыми, подобно чалмѣ, крышами, поставленными на каменныя колонны. Объ этомъ бугрѣ у туземцевъ существуетъ очень интересное преданіе.

Ѣхалъ разъ ханъ изъ Куня-Ургенча черезъ степь и встрѣтилъ городъ безъ людей. Улицы были пусты, во дворахъ также не было ни одного человѣка. Удивился ханъ и приказалъ своему приближенному дванбеги (министру) заглянуть въ сакли. Но сакли также были пусты, только въ одной изъ нихъ оказалась молодая женщина необыкновенной красоты. Пораженный красотою женщины, ханъ принялъ въ ней горячее участіе, сталъ разспрашивать, какъ ее звать и какъ она попала въ этотъ безлюдный городъ. Красавица отвѣчала, что зовутъ ее Джуха, что привезъ ее въ этотъ городъ одинъ человѣкъ, но куда онъ исчезъ, не знаетъ. Ханъ взялъ Джуху съ собой и, по возвращеніи въ Куня-Ургенчъ, женился на ней. Долго ли, коротко ли жилъ ханъ съ молодой женой, но всѣ приближенные стали замѣчать, что послѣ женитьбы ханъ сталъ худѣть и худѣть. —„Почему ты такъ худѣешь?—не разъ спрашивали хана приближенные. — „Не знаю,—отвѣчалъ ханъ, — съ тѣхъ поръ, какъ я женился на этой женщинѣ, я сталъ худѣть!“ Долго думали дванбеги, какъ выручить хана изъ бѣды, и, наконецъ, придумали. Они посовѣтовали хану взять конскій волосъ, туго перетянуть палецъ и такъ лечь спать.—„Прикажи, чтобы на эту ночь воду вездѣ заперли, тогда ты узнаешь, кто

такая женщина, на которой ты женился!“ Ханъ такъ и сдѣлалъ. Приказалъ, чтобы вездѣ заперли воду, перетянулъ палецъ конскимъ волосомъ и легъ спать. Цѣлую ночь палецъ сильно болѣлъ и не давалъ ему заснуть. Къ полуночи онъ задремалъ и, когда проснулся, то замѣтилъ, что жены нѣтъ. Онъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ, что она ползаетъ, какъ змѣя, по полу, ищетъ воду, но не можетъ найти; въ саклѣ воды не было. Она выползла изъ сакли и такъ засвистала, что ханъ содрогнулся отъ страха. Кто-то принесъ ей воды, она напилась и легла спать. Ханъ понялъ, что жена его женщина нехорошая, такая женщина, которая можетъ испортить человѣка и даже съѣсть его. На утро онъ крѣпко заперъ жену въ саклѣ и разсказалъ приближеннымъ все, что видѣлъ ночью. Дванбеги снова задумались, какъ быть, и наконецъ рѣшили, что отъ такой женщины одно спасеніе — бѣжать куда-нибудь подальше. Недаромъ ханъ нашелъ ее въ пустомъ городѣ! Сейчасъ же объявили объ этомъ народу, осѣдлали лошадей и всѣ поскакали безъ оглядки, но вдругъ увидѣли за собой погоню. Джуха узнала о побѣгѣ хана и жителей и помчалась слѣдомъ за ними. Дванбеги приказали жителямъ насыпать на дорогу уголь и негашеную известь, а въ арыки пустить воду. Бѣжитъ за ними Джуха, вдругъ ей захотѣлось ѣсть. Она схватила уголь и известь и поѣла, подбѣжала къ арыку, напилась и опять стала бѣжать. Около того мѣста, гдѣ теперь находится бугоръ Джиланъ-Кыръ,—внутри ея загорѣлась негашеная известь, она упала и лопнула. Всѣ жители Куня-Ургенча видѣли, какъ изъ нея выскочило что-то черное, вродѣ собаки, и спряталось въ норѣ. Не теряя время, всѣ стали засыпать нору пескомъ и насыпали его такъ много, что образовался большой бугоръ, по имени злой женщины названный Джиланъ-Кыръ—Змѣиный бугоръ.

Отъ Джиланъ-Кыра берега Аму-Дарьи понижаются. Справа широкой полосой берегъ застилаетъ тугай. Здѣсь виднѣется большое кара-калпакское селеніе Тай, окруженное садами, воздѣланными полями и цѣлой сѣтью арыковъ. Дарья течетъ въ въ западномъ направленіи. Это мѣсто одно изъ самыхъ живописныхъ. Плоско-возвышенный правый берегъ обставленъ въ глубинѣ высокими буграми, извѣстными подъ названіемъ Бешъ-Тюбе—пять бугровъ, которые появляются какъ-то сразу, совершенно неожиданно, цѣлой группой, съ плоскими вершинами, глубокими ложбинами и пологими склонами. По своему внѣшнему виду они также голы, безжизненны, какъ и другіе подобные же бугры, но по ложбинамъ, гдѣ разбросаны поселки каракалпаковъ и осѣдлыхъ киргизовъ, оживляются культурной растительностью. У подошвы одного изъ этихъ бугровъ находится большое озеро того же имени, на берегу котораго находится станція сухопутнаго тракта Бешъ-Тюбе, въ двадцати верстахъ отъ Нукуса. Съ берега Дарьи виднѣются высокія стѣны станціонной постройки, которая нѣкогда была также крѣпостью. Лѣвый берегъ аршина на полтора приподнятъ надъ уровнемъ рѣки и густо закрытъ обычной береговой растительностью.

Это былъ единственный вечеръ, когда насъ не засыпало пескомъ и мы могли отдохнуть на берегу, пользуясь вечерней прохладой. Мы причалили вблизи станціи Бешъ-Тюбе и расположились подъ тѣнью старыхъ, развѣсистыхъ деревьевъ, уцѣлѣвшихъ еще съ того времени, когда вокругъ крѣпости и подъ ея защитой по берегу Дарьи ютились поселки мирныхъ жителей. Ночь была тихая, лунная. Вокругъ царило полное безмолвіе, нарушаемое глухимъ гуломъ и плескомъ рѣки. Долго мы не понимали, что это за странный гулъ время отъ времени долеталъ по рѣкѣ, пока не увидали собственными глазами, какъ напоромъ теченія Дарья отрывала громадныя глыбы съ противоположнаго берега и, нерѣдко вмѣстѣ съ кустами и цѣлыми деревьями, уносила теченіемъ.

Вскорѣ откуда-то вынырнула лодка и заколыхалась среди зеркальной поверхности рѣки, озаренной матовымъ свѣтомъ луны. Это выплыли рыбаки на свой обычный вечерній ловъ. Скоро на каюкѣ запылалъ костеръ, обагряя красноватымъ свѣтомъ и каюкъ, и рѣку, и фигуры ловцовъ, казавшихся какими-то фантастическими великанами въ своихъ огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ. Перегнувшись за бортъ, они усердно кололи рыбу баграми и складывали въ лодку. Мы попросили уступить намъ нѣсколько штукъ рыбы. Рыбаки охотно продали намъ двухъ усачей и горсть соли за 40 коп. Со дня крушенія мы не имѣли ни хлѣба, ни соли. Завязалась бесѣда. Заинтересованные новыми, незнакомыми людьми, рыбаки подсѣли къ нашей компаніи. Они очень удивились, когда узнали о нашемъ спасеніи во время ужаснаго урагана; по ихъ словамъ, старики не помнятъ, чтобы среди лѣта, въ іюнѣ мѣсяцѣ, была еще когда-нибудь такая буря; въ эту ужасную ночь погибло очень много народу и затонулъ не одинъ каюкъ. Такъ какъ рыбаки оказались постоянными жителями сосѣдняго кара-калпакскаго аула Кунгуратъ, то мы попросили ихъ разсказать все, что они знаютъ объ этихъ мѣстахъ. Кара-калпаки долго отнѣкивались незнаніемъ, наконецъ, подумали, подумали и разсказали намъ слѣдующую легенду о крѣпости Бишъ-Тюбе.

Жилъ былъ одинъ богатырь, по имени Иръ-Кашай. Онъ управлялъ Хивой вмѣсто хана. Во время его ханства, откуда-то изъ глубины степей явилось многотысячное войско калмыковъ, подъ предводительствомъ храбраго Али-Шера и стало нападать и грабить мирное населеніе. Когда полчища калмыковъ подошли къ хивинскимъ владѣніямъ, Иръ-Кашай собралъ большое войско, двинулся къ крѣпости Бишъ-Тюбе и сталъ ожидать врага. Ниже Бишъ-Тюбе, подлѣ озера Сартъ-Ульгенъ, враги встрѣтились, и между ними начался кровопролитный бой. Безъ перерыва битва продолжалась цѣлыхъ семь дней, причемъ калмыки нанесли Иръ-Кашаю семь тяжелыхъ ранъ въ разныхъ мѣстахъ тѣла. Иръ-Кашай ослабѣлъ отъ ранъ и почувствовалъ сильную жажду. Онъ направился къ озеру напиться, но калмыки послали ему въ догонку пулю и ранили коня. Иръ-Кашай взялъ коня подъ мышку и пѣшкомъ дошелъ до крѣпости, откуда и сталъ закидывать калмыковъ камнями.

Одинъ камень попалъ въ Али-Шера, и предводитель калмыцкаго войска былъ убитъ на-повалъ. Въ калмыцкомъ лагерѣ произошло смятеніе. Они задумали вырыть канаву и взорвать крѣпость Бишъ-Тюбе, но Иръ-Кашай съ остатками своего войска не допустилъ его до этого; онъ забросалъ враговъ камнями. Перепуганные калмыки разбѣжались. Иръ-Кашай скоро умеръ. Останки его до сихъ поръ сохраняются на древнемъ кладбищѣ близъ Бишъ-Тюбе и поражаютъ своей необыкновенной величиной. Длина скелета болѣе полуторы сажени и необыкновенно большой черепъ...

Мы этой могилы не видали и за достовѣрность послѣдняго не можемъ поручиться.

Слѣдующее утро было тихое и ясное. Еще далеко до восхода солнца мы наскоро собрались и поплыли дальше. Вдоль праваго берега по прежнему тянулись желтые обнаженные бугры. Лѣвый берегъ низменный, мѣстами топкій, съ обильными зарослями камыша и болотныхъ травъ. Здѣсь Дарья отдѣляетъ небольшой протокъ Лауданъ, у выхода котораго находится хивинская переправа, а вдали, на самомъ протокѣ, развалины нѣкогда сильной хивинской крѣпости Бентъ. Это тотъ самый Лауданъ, по руслу котораго воды Аму-Дарьи доходили до знаменитаго Узбоя, а по Узбою до Каспійскаго моря. На этомъ протокѣ до настоящаго времени существуетъ нѣкогда цвѣтущій, богатый городъ древняго Хаварезма Куня-Ургенчъ, къ которому въ то отдаленное время, какъ къ Риму, вели всѣ дороги. Нѣтъ почти ни одной легенды, ни одного преданія въ народной памяти, которыя прямо или косвенно не связывались бы со славнымъ городомъ Куня-Ургенчемъ, тѣмъ самымъ Куня-Ургенчемъ, который не разъ опустошался бродячими ордами, а Тимуръ воздвигъ у стѣнъ его цѣлую башню изъ человѣческихъ череновъ. И тѣмъ не менѣе отъ всѣхъ подобныхъ погромовъ онъ быстро оправлялся и оставался большимъ, богатымъ, многолюднымъ городомъ въ теченіе многихъ столѣтій. Въ настоящее время Куня-Ургенчъ превратился въ незначительное мѣстечко съ базаромъ у пересохшаго русла протока Лаудана и влачитъ жалкое существованіе, вѣчно нуждаясь въ водѣ. Случилась такая перемѣна въ XVI ст., когда Дарьѣ вдругъ вздумалось покинуть окружавшія городъ поля и отклониться къ востоку...

Не спѣша, мы подвигались впередъ. Вдругъ Дарья круто повернула и исчезла за буграми, оставивъ насъ въ полномъ недоумѣніи, гдѣ искать ея продолженія. Казалось, увалообразными буграми рѣка наглухо запиралась на западѣ, превращаясь въ широкое озеро, въ зеркальной поверхности котораго отражалось синее, безоблачное небо. Но это только такъ казалось. Обогнувъ колѣно, мы снова увидѣли ея мутныя воды на много верстъ впереди. Слѣва зеленѣли культурныя поля и промелькнула открытая пасть большого арыка „Суали“, на которомъ ниже, противъ Нукуса, находится большой хивинскій городъ Ходжейли. На правомъ берегу виднѣлись кара-калпакскія селенія. Мы пристали подлѣ одного изъ этихъ селеній, которое называется Кунгуратъ-аулъ.

Кунгуратъ-аулъ находится у самой Дарьи и защищенъ валами. Здѣсь кара-калпаки живутъ въ кибиткахъ группами, въ пять, шесть кибитокъ, обнесенныхъ изгородью изъ камышевыхъ плетенокъ. Нечистота и бѣдность поразительныя! Почти всѣ больны глазами или различными накожными болѣзнями. Сакли съ высокими стѣнами здѣсь служатъ исключительно для храненія зерна, разнаго домашняго скарба, а дворы превращены въ загоны для скота. Въ одномъ изъ дворовъ подъ навѣсомъ мы застали семью за работой. Они гнули жерди и плели плетенки изъ камыша для кибитокъ. Небольшіе участки земли, воздѣланные подъ рисъ, пшеницу и кормовую траву, окружали невзрачный аулъ. Главное занятіе жителей рыболовство.

Ближе къ Нукусу оба берега довольно густо заселены. На правомъ берегу виднѣлось большое кладбище Кушъ-Хана и многолюдныя каракалпакскія селенія: Канглы, Чатлы, старый Нукусъ. Слѣва, утопая въ зелени садовъ, мелькали хивинскія селенія, а вдали едва выступали высокія постройки города Ходжейли.

Мы свернули въ протокъ Кокъ-Узякъ и вышли на берегъ подлѣ упраздненнаго укрѣпленія Нукусъ. Послѣ всѣхъ лишеній и испытаній, которыя пришлось пережить въ послѣднее путешествіе, Нукусъ намъ показался просто раемъ. Это, дѣйствительно, живописное мѣстечко по своему мѣстоположенію представляетъ столько же преимуществъ, сколько Петро-Александровскъ недостатковъ. Расположенъ Нукусъ верстахъ въ трехъ отъ Дарьи на возвышенномъ плато, вблизи небольшого протока Кокъ-Узякъ. Возвышенное положеніе обезпечиваетъ мѣстечко отъ наводненій бѣшеной Дарьи, со стороны же протока онъ защищенъ дамбой. Это весьма важное преимущество, въ связи съ положеніемъ Нукуса въ центрѣ населенной части Чимбайскаго участка, повидимому, не ускользнуло отъ взоровъ тѣхъ лицъ, которые призваны были устраивать вновь пріобрѣтенный край. Въ Нукусѣ разбитъ такой прекрасный паркъ, который сдѣлалъ бы честь любому губернскому городу. Роскошныя, широкія аллеи, чуть не въ версту длиною, обсажены рядами стройныхъ тополей, орошены арыками, по которымъ, не смолкая, журчитъ вода. Глубокіе пруды, цѣлыя рощи фруктовыхъ деревьевъ, искусственная горка для цвѣтника украшаютъ этотъ замѣчательный паркъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время онъ такъ запущенъ, что на окраинахъ превратился въ непроходимый тугай, въ чащѣ котораго во множествѣ водятся фазаны, рыскаютъ шакалы, дикіе кабаны, а зимой бродятъ даже тигры. Впрочемъ, зимой тигры нерѣдко забираются даже во дворы и съ похищенной добычей на спинѣ (теленкомъ или бараномъ) перепрыгиваютъ черезъ самыя высокія стѣны дворовъ.

Нукусскій паркъ непосредственно примыкаетъ къ довольно просторному одноэтажному зданію, которое въ настоящее время служитъ квартирой и канцеляріей пристава Чимбайскаго участка, а во время процвѣтанія Нукуса, когда въ крѣпости стоялъ цѣлый батальонъ, вѣроятно, служило общественнымъ собраніемъ. Къ этому центральному зданію примыкаютъ еще 15,20

глиняныхъ домиковъ, составляя единственную нукусскую улицу съ тѣнистымъ липовымъ бульваромъ. Самая крѣпость находится поодаль за площадью, вѣроятно, когда-нибудь служившею плацомъ, а въ настоящее время превратившуюся въ густую заросль тугая. Крѣпость обнесена глубокимъ рвомъ и высокими стѣнами; въ настоящее время въ Нукусской крѣпости находится команда изъ семи человѣкъ казаковъ астраханскаго войска и одного офицера. Въ домикахъ по единственной улицѣ ютятся уральцы съ своими семьями, которыхъ въ Нукусѣ и его окрестностяхъ насчитывается до 50; всѣ они занимаются исключительно рыболовствомъ, и нѣкоторые живутъ очень исправно.

Нѣкогда въ Нукусѣ жизнь била ключемъ, общество офицеровъ жило дружно и весело; существовалъ даже базаръ, гдѣ можно было добыть все необходимое для дневного пропитанія. Въ настоящее время въ двухъ жалкихъ лавчонкахъ не всегда можно найти даже спичекъ и мыла. Все необходимое добывается изъ хивинскаго города Ходжейли, гдѣ два раза въ недѣлю бываютъ большіе базары—самое оживленное время и для обитателей Нукуса. Обыкновенно въ эти дни съ ранняго утра начинается движеніе. Всѣ спѣшатъ къ переправѣ на каюкъ запастись на ходжейлинскомъ базарѣ необходимой провизіей: иначе нигдѣ ничего не достанешь.

Вокругъ укрѣпленія разбросаны селенія кара-калпаковъ и осѣдлыхъ киргизовъ, окруженныя воздѣланными пашнями. Бѣдность населенія доходитъ до того, что ни одинъ земледѣлецъ единичными силами не можетъ воздѣлать своего участка, хотя участки ихъ такъ ничтожны, что если-бы не рыболовство, они не могли бы существовать. Обыкновенно семьи три-четыре соединяются вмѣстѣ, и только при такихъ условіяхъ набирается необходимое количество скота для обработки пашни. Постоянная нужда въ лишнемъ клочкѣ земли вызываетъ среди кара-калпаковъ нескончаемыя тяжбы и препирательства. Тяжебныя дѣла ихъ, впрочемъ, имѣютъ двоякій характеръ и строго опредѣленное время. Съ весны до осени циркулируютъ вопросы исключительно земельные. Каждымъ свободнымъ отъ работы днемъ кара-калпакъ старается воспользоваться, чтобы сбѣгать по начальству съ жалобой на сосѣда или съ неоднократной просьбой о прирѣзкѣ земли. Съ осени до весны земельные вопросы отходятъ въ область забвенія, и выступаютъ не менѣе жгучіе семейные вопросы. Въ это время жены жалуются на мужей за то, что ихъ не кормятъ, не одѣваютъ и даже истязаютъ. Мужья на женъ—за измѣну супружеской вѣрности и побѣги отъ нихъ... И такъ изъ года въ годъ.

Несомнѣнно, семейный строй туземца отжилъ свой вѣкъ и требуетъ обновленія. Лучшимъ протестомъ отжившимъ формамъ служатъ побѣги женщинъ и ихъ самоубійства. Въ этомъ отношеніи кара-калпачки опередили своихъ собратокъ узбечекъ и сартянокъ, которыя до настоящаго времени по корно выносятъ всю тяготу восточной семейной жизни. Въ сущности кара-калпакъ не всегда виноватъ въ томъ, что

не имѣетъ возможности предоставить семьѣ все необходимое. При всемъ своемъ трудолюбіи онъ не въ силахъ измѣнить тяжелыхъ экономическихъ условій и безнаказаннаго произвола, который еще царитъ въ этомъ далеко не устроенномъ краѣ. Между ними немало такихъ бѣдняковъ, которые, напримѣръ, не въ состояніи пріобрѣсти кальянъ или трубку и прибѣгаютъ къ весьма оригинальному приспособленію для удовлетворенія этой потребности. Они роютъ въ землѣ небольшую ямку, вершка въ три-четыре глубиной, отъ которой параллельно поверхности земли просверливаютъ ходъ, вродѣ тѣхъ, какіе дѣлаютъ насѣкомыя въ землѣ или въ деревѣ, и подъ прямымъ угломъ соединяетъ его съ круглымъ отверстіемъ на поверхности земли. Въ круглое отверстіе на землѣ насыпается табакъ и кладется горящій уголь. Кара-калпакъ ложится на землю внизъ животомъ, вставляетъ въ отверстіе хода камышинку и куритъ. Это изобрѣтеніе всецѣло принадлежитъ кара-калпакамъ, такъ какъ ни у кого больше не встрѣчается...

Какъ ни любопытно было ознакомиться съ краемъ во всей полнотѣ, но послѣ ужасной бури я уже была не въ силахъ бороться со всѣми случайностями—и Нукусомъ закончила свое путешествіе по Аму-Дарьѣ.

А. Е. Россикова.